

ПОВѢСТИ

БАЛЬЗАКА.

Переводъ съ Французскаго.

ПОВѢСТЬ ПЯТАЯ.

ДОЛГЪ СУПРУГИ.

(Переправа черезъ Березину).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1833.

ПОВѢСТИ

БАЛЪЗАКА.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ,

ИЗДАНЫМЪ

Г. БАЛЬЗАКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Б. и Л. К.

ЧАСТЬ V-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ нѣмъ, чшобы по напечатаніи, предсн-
влены были въ Ценсурный Комитетъ при
экземпляра.

С. Петербургъ. 7 Февраля 1833 года.

Ценсоръ Сп. Сов. *Н. Бутырскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Въ прошломъ 1851-мъ году Г. Бальзакъ издалъ еще два тома *Сценъ изъ частной жизни*, заключающихъ въ себѣ десять отдѣльныхъ повѣстей. Въ одной изъ оныхъ: *Долгъ супруги* (Le devoir d'une femme), онъ описываетъ всѣ ужасы бѣдствій, претерпѣнныхъ Французами при переправѣ черезъ Березину. Разбираешь сіе новое произведеніе Автора: *Послѣдняго Шуана*, значило бы повпорять, давно сказанныя объ немъ, похвалы; однакоже нельзя не замѣтить, что онъ, въ этой новой повѣсти, превзошелъ себя. — Могущественное перо его переноситъ воображеніе читателя въ спань

II

грознаго завоевателя, бѣдспвующій въ снѣжныхъ степяхъ нашего опечесива, гдѣ пала исполнская слава Наполеона, гдѣ несмѣшныя его полчища обрѣли себѣ хладнуку, безславную могилу. — Занимательность содержания, живость разсказа, сила слога, опчепливость изображеній, въ особеннпши опличають сію повѣспь. Нѣспь сомнѣнія, что для нашихъ соопечеспвенниковъ, сіа повѣспь будеспь имѣспь предѣ другими по преимущеспво, что въ оной изображаеспя развязка ужасной драмы завѣспнаго для Русскихъ 1812-го года. Сіе самое заспавило насъ опспупишь опъ предполагаемаго нами порядка при изданіи сихъ повѣспей.

Благосклонный пріемъ, сдѣланный публикою изданнымъ нами первымъ чепыремъ сценамъ, побуждаеспь насъ, сверхъ обѣщанныхъ шести повѣспей, заняшья переводомъ и новыхъ двухъ шомовъ, вышедшихъ въ прошедшемъ году. Предлагаемая нынѣ сцена, подѣ заглавіемъ: *Долгъ супруги*, взята изъ первой часпи оныхъ, и соспавляеспь IX-ую сцену. Мы и впредѣ не будемъ себя

III

спѣснятъ послѣдовательнымъ порядкомъ
оныхъ, попому что сцены не имѣютъ ни-
какой между собою связи, и суть совер-
шенно *отдѣльныя* повѣсти.

Декабрь
1852

СЦЕНА V.

ДОЛГЪ СУПРУГИ.

(Переправа черезъ Березину).

— Ну, господинъ депутатъ центра, впередъ! Если хопимъ быть за споломъ вмѣстѣ съ прочими, то не должно мѣшкапъ. — Ну, выше ногу! — Прыгни, Маркизь! смѣлѣй вопъ такъ Ей ей, ты перепрыгиваешь черезъ борозды не хуже оленя!

Такъ говорилъ охотникъ, спокойно сидѣвшій у опушки лѣса въ Иль-Адамъ. Онъ докуривалъ Гаванскую цигарку, и легко было видѣнь, что онъ уже давно ждалъ своего поварища, въ-

рояпно заблудившагося въ чащѣ лѣса. Около него лежали чешыре собаки; онъ опъ успалоспи едва переводили дыхаханіе и, подобно самому охотнику, также смотрѣли на человѣка, къ коему обращались сіи слова. Дабы поняшь смѣшную сторону сихъ, по временамъ произносимыхъ словъ, надобно описашъ запоздавшаго охотника.

То былъ человѣкъ толстый, низкаго роста. Онъ съ чрезвычайнымъ успіемъ шагаль черезъ борозды обширнаго поля, съ котораго недавно былъ снятъ хлѣбъ, и коего жниво значитель-но затрудняло его шаги. Къ довершенію же досады, косвенные лучи солнца, падаи прямо на его лице, собирали на ономъ крупныи капли пошя. Будучи непрестанно озабоченъ сохраненіемъ равновѣсія своего тѣла, онъ наклонялся по впередъ, по назадъ, подражая такимъ образомъ непрерывнымъ дви-

женіямъ карепы, ѣдущей по тряской дорогѣ.

День былъ жаркой, одинъ изъ пѣхъ Сенплярскихъ, въ которые виноградныя кисти дозрѣваютъ отъ жары. Небо предвѣщало бурю. Хотя около горизонта, большіе лазоревые промежутки раздѣляли тяжелыя, черныя тучи, но уже видимы были сѣроватыя облака, которыя неслись съ ужасною быстротою, и подернули небо отъ Запада къ Востоку легкою завѣсою. Вѣтеръ бушевалъ только въ верхней части атмосферы, а въ нижнихъ слояхъ оной сосредоточивались палыція испаренія земли. Къ тому жъ оврагъ, который переходилъ охотникъ, будучи окруженъ высокою дубравою, сгущавшею въ немъ воздухъ, имѣлъ температуру горнила. Знойный и молчаливый лѣсъ казался былъ помимъ жаждою. Птицы, насѣкомыя безмолвствовали, и

деревья едва наклоняли свои вершины.

При семъ разсказѣ, тѣ, кои сохранили малѣйшее воспоминаніе о лѣтѣ 1819-го года, должны почувствовать состраданіе къ мученіямъ бѣднаго савовника: попъ капился съ него градомъ опъ усилій добраться до своего поварипца-насмѣшника, копорый покуривая свою цигарку расчелъ, что судя по положенію солнца, уже должно бытъ по крайней мѣрѣ пять часовъ вечера.

— Куда мы это забрели, чорпъ возьми? сказалъ полспякъ, опирая попъ и прислонившись къ дереву, споявшему почти прямо насупротивъ его поварица; онъ уже былъ не въ силахъ перескочить широкій ровъ, раздѣлявшій его съ нимъ.

— Нашелъ у кого спросить!
отвѣчалъ смѣясь охотникъ, покоив-

шійся на высокой, пожелтѣвшей травѣ, которая росла на покапоспи оврага.

Попомъ бросивъ въ ровъ кончикъ своей сигарки, онъ вскричалъ:

— Клянусь Св. Губерпомъ, что никогда болѣе членъ магиспрапа, хотя бы онъ былъ, какъ ты любезный д' Альбонъ, старый поварищъ по училищу, не заманишь меня шапашья съ собою по незнакомымъ мнѣ мѣстамъ!.....

— Послушай, Филиппъ, ты видно не понимаешь болѣе по Французски?..... и вѣрно оставилъ весь свой разумъ въ Сибири! возразилъ маленькій полснѣкъ, бросивъ жалобно-комическій взглядъ на деревянный столбъ, находившійся шагахъ во сто отъ нихъ.

— Понимаю! вскричалъ Филиппъ.

Послѣ чего, схвативъ свое ружье, мгновенно вспалъ, однимъ скачкомъ очутился въ полѣ, и побѣжалъ къ столбу.

— Сюда, д'Альбонъ, сюда, въ пол-оборота на лѣво! кричалъ онъ своему поварищу, указывая ему рукою на широкую, вымощенную дорогу. — *Дорога изъ Байльета въ Иль-Адамъ!* продолжалъ онъ. Слѣдовательно, по этому направленію найдемъ и дорогу въ Кассанъ: вѣдь кажется она пересѣкается съ дорогою въ Иль-Адамъ?

— Точно такъ, полковникъ! сказалъ Г. д'Альбонъ надѣвая на голову фуражку, копорою онъ прохлаждалъ себя какъ онахаломъ.

— И такъ, впередъ, почтеннѣйшій Совѣтникъ! опвѣчалъ полковникъ Филиппъ. И онъ свиснулъ собакамъ, копорыя казалось повиновались ему болѣе, чѣмъ другому охотнику, хотя принадлежали сему послѣднему.

— Знаешь-ли, господинъ Маркизь, продолжалъ весельчакъ - военный, что

намъ предлежишь еще болѣе двухъ миль пупи? Деревушка, копорая видна вонь-памъ, должна быть Байльепъ

— Милосердый Боже! вскричалъ Маркизь д' Альбонъ. Спунай себѣ въ Кассанъ, если это тебѣ по-сердцу, но я не пойду съ тобою. Я лучше останусь здѣсь, и несмотря на грозу, буду дожидаться лошади, копорую ты мнѣ пришлешь изъ замка. Ты надо мной подпрунишь, Сюси. Мы согласились немного поохотиться въ удовольствіе; не удаляться отъ Кассана, обшарить окружныя мѣста, копорыя я знаю И вопъ! вмѣсто того, чтообы пріятно провести время, ты заспавилъ меня бѣгать, какъ гончую собаку, съ чепырехъ часовъ упря, тогда какъ весь завтракъ нашъ соспоялъ изъ двухъ чашекъ молока! Ну! ужъ если тебѣ случится имѣть тяжбу въ судѣ, то я постараюсь, чтобы ты про-

гралъ ее, хопя бы ты сто разъ былъ правъ.

Сказавъ сіе, успалый охотникъ сѣлъ на колоду возлѣ сполба, положилъ ружье, снялъ свой пустой охотничій джпажъ, и тяжело вздохнулъ.

— Франція! вопль твои де-пушаны! вскричалъ смѣясь полковникъ Сюси. Ахъ! бѣдной мой д'Альбонъ, еслибы ты, подобно мнѣ, пробывъ шесть лѣтъ въ глуши Сибири!.....

Онъ возвелъ глаза къ небу, какъ бы свидѣтельствуя, что несчастія его были тайною между нимъ и Богомъ; потомъ прибавилъ:

— Ну! поднимайся; если будешь сидѣть, то ты пропалъ.

— Что дѣлать, Филиппъ? это старая привычка нашей браньи Совѣтниковъ! — По чеспи, я измучился! Ужъ такъ бы и быль, когдабъ засирѣлилъ хопъ зайца!

Два охотника представляли собою довольно разительную противоположность. Сопутникъ имѣлъ 42 года отъ роду, но по виду его нельзя было почесть старѣе тридцати; тогда какъ военный, имѣя отъ роду тридцать лѣтъ, казался сорокалѣтнимъ. Они оба имѣли красный бантикъ въ пепличкѣ, присвоенный офицерамъ почетнаго легиона. Нѣсколько клочковъ волосъ сѣдыхъ и черныхъ, перемѣшанныхъ между собою, подобно какъ на крылѣ сойки, упали изъ подъ фуражки полковника; между тѣмъ какъ прекрасныя, бѣлокурыя кудри украшали виски магистральскаго сановника. Одинъ былъ высокаго роста, сухъ, худощавъ, жилистъ, и морщины на его блѣдномъ лицѣ изобличали ужасныя страсти или жестокія бѣдствія; другой имѣлъ лице цвѣтущее здоровьемъ, веселое и достойное эпикурейца. Оба сильно заго-

рѣли опъ солнца, и ихъ длинныя спи-
блепы изъ рыжевапой кожи носили на
себѣ слѣды всѣхъ ровъ и всѣхъ бо-
лопъ ими перейденныхъ.

— Ну, вскричалъ Г. Сюси, впе-
редь! Послѣ добраго часа ходь-
бы мы будемъ въ Кассанъ, передъ слав-
нымъ споломъ.

— Ты вѣрно никогда не любилъ,
опвѣчалъ совѣтникъ съ видомъ жалко-
комическимъ, ибо ты неумолимъ какъ
304 стапья уложенія о наказаніяхъ!.....

Филиппъ Сюси судорожно вздрог-
нулъ; на широкомъ челѣ его внезапно
скопилась морщина, и лице его сдѣла-
лось столь же мрачнымъ, какъ небо
было въ то мгновеніе. Невыразимо-го-
рестное воспоминаніе подернуло всѣ
его черты; и если онъ не заплакалъ,
то потому только, что принадлежалъ
къ числу тѣхъ сильныхъ людей, кото-
рые сосредоточивающъ въ самихъ себѣ

свои мученія, и счптають какъ бы беспыднымъ обнаруживають ихъ, пѣмъ болѣе что ни одно человѣческое выраженіе не можетъ передать ихъ полноты, и нѣтъ ни одной души, копорая бы могла понять ихъ.

Г. д'Альбонъ имѣлъ одну изъ пѣхъ нѣжныхъ душъ, копорыя угадываютъ огорченія и живо сочувствуютъ волненіе сердца, если оно произведено безъ умысла какою нибудь опрометчивостію. Онъ почпилъ молчаніе своего друга, вспалъ, забылъ свою усшалость и молчаливо послѣдовалъ за нимъ, мучимый мыслию, что разсправилъ рану, копорая вѣроятно еще не закрылась въ сердцѣ его друга.

— Когда нибудь, другъ мой, сказалъ Филиппъ, пожмая ему руку и благодаря его за нѣмое раскаяніе раздрающимъ сердце взоромъ, когда нибудь, я расскажу тебѣ приключенія мо-

ей жизни — Сегодня я не въ силахъ.

Они продолжали идти въ молчаніи; но когда горестъ полковника, по видимому, разсѣялась, совѣтникъ снова почувствовалъ усталость; и съ инстинктомъ, или лучше, со вниманіемъ измученнаго человѣка, онъ старался проникнуть взорами въ глубину лѣса, вопрошалъ вершины деревъ, обозрѣвалъ просѣки, надѣясь открыть по нимъ какое нибудь жилище, въ которомъ бы могъ просить гостепріимства.

Достигнувъ одного перекрестка ему показалось, что виднѣтъ легкій дымъ, который вѣлся между деревьями. Онъ остановился, началъ внимательно всматриваться, и замѣтилъ среди чащи лѣса, зеленая, мрачная вѣтви нѣсколькихъ сосенъ.

— Домъ! домъ! вскричалъ онъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ морякъ

вскричалъ бы: — Берегъ! берегъ

И онъ съ живостію бросился сквозь довольно густой кустарникъ. Полковникъ, погрузившійся въ глубокія мечтанія, машинально послѣдовалъ за нимъ.

— Здѣсь яшница, ржаной хлѣбъ и кресло будущъ для меня пріятнѣе, нежели диваны, пріюфли и Токайское вино въ Кассанѣ!

Воскличаніе сіе сорвалось съ устъ совѣтника опъ восхищенія, при видѣ спѣны, коей бѣловатый цвѣтъ рѣзко отдѣлялся опъ темной массы сучковатыхъ древесныхъ пней, которые видѣлись вдали.

— Ага! мнѣ сдается, что это какойнибудь старый монастырь! вскричалъ вновь маркизь д' Альфонъ, остановившійся у древней и мрачной рѣшетки.

Съ сей точки онъ могъ видѣть, посреди довольно обширнаго парка, зда-

ніе , построенное изъ дикаго камня въ томъ вкусѣ, въ которомъ нѣкогда строили монастырскія.

— Какъ эти расчепливые монахи умѣли избирать мѣстность!

Сіе новое восклицаніе было выраженіемъ удивленія, овладѣвшаго магистрантскимъ сановникомъ при видѣ поэтической пустыни, представившейся его взорамъ.

Домъ былъ расположенъ на оплогости задней стороны той горы, вершину которой занимаетъ деревня Нервилль. Большіе, вѣковые дубы, описывая обширный кругъ около сего жилища, придавали оному видъ истинной пустыни! Флигель зданія, нѣкогда служившій для помѣщенія монаховъ, былъ обращенъ къ югу. Паркъ, казалось, имѣлъ около сорока десятинъ. Вблизи отъ дома, расплался зеленый лугъ, своеобразно прорѣзанный многими свѣшлы-

ми ручейками, небольшими порогами, прелесно расположенными, безъ всякаго видимаго искусства. Индѣ воздымались зеленыя деревья, стройныя, разнообразныя видомъ своихъ листьевъ. Тамъ, являлись запѣйливо расположенныя пещеры, тяжелыя террасы съ ихъ полуразрушенными ступенями, и придавали сей дѣлкой Оивандѣ какую-то особенную физиогномію. Искусство присоединило свои украшенія къ разспельнымъ дѣйствіямъ природы. Всѣ человѣческія спаспі, казалось, умирали при корнѣ или у вершины сихъ исполинскихъ деревьевъ, которыя сперегали отъ суебы мірской входъ къ сему уединенному убѣжищу, какъ охраняли его отъ порыва бурь и отъ солнечныхъ лучей. Тишина и безмолвіе сообщали оному свое невыразимое величіе.

— Какой здѣсь царствуетъ безпорядокъ! сказалъ Г. д' Альбонъ,

насладившись мрачнымъ выраженіемъ, придаваемымъ развалинами окрестной странѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, она носила на себѣ какъ бы оппечатокъ оптверженія. То было словно пагубное мѣсто, оспавненное человекомъ. Плющъ повсюду проспекъ свои извилистыя жлы и богатыю пкань свою. Темный, зеленоватый, желтый, красный мохъ облекалъ своими романтическими оппѣнками всѣ деревья, скамы, крыши, камни. Оконщицы были испочены червями, обипы дождемъ, изрыпы рукою времени; балконы обвалились, терассы были разрушены. У нѣкоторыхъ оконъ спавни держались только на одной пеплѣ. Несмыкавшіяся плотно двери, казалось, не могли выдержатъ напора. Плодоносныя деревья были не подсприжены, и всѣ проспирани жадныя, безплодныя свои вѣтви, осыпанныя блестящими

пучками дубовыхъ ягодокъ. Наконецъ, аллеи поросли высокою правою.

Развалины придавали сей картинѣ что-то невыразимо-поэтическое, а въ душѣ созерцателя пробуждали мечты. Поэтъ остановился бы на семь мѣстѣ, погруженный въ продолжительную задумчивость, восхищаясь беспорядкомъ исполненнымъ гармоніи, разрушеніемъ плѣняющимъ взоры. Въ сіе мгновеніе, нѣсколько лучей солнца, пробившись сквозь раздвоенное облако, украсили сію полу-дикую сцену отраженіемъ тысячи радужныхъ отпѣнковъ. Темныя черепицы озарились, мхи заблестали; фантастическія призраки мелькнули на полянахъ, подъ деревьями; мертвые цвѣта оживились, разительныя противоположности боролись между собою; листья ярко обозначились въ сіяніи; вдругъ свѣтъ исчезъ; и вся мѣстность, которая предъ симъ, казалось, дышала

жизнію, умолкла, подернулася темно-пою, или лучше, легкою, пріятною тѣнью осеннихъ сумерекъ.

Но совѣтникъ уже смопрѣлъ на сіе зданіе глазами владѣльца.

— Это дворець красавицы Усыпленнаго Лѣса, сказалъ онъ. Кому бы онъ могъ принадлежать? Надо было бы рѣшительно дуракомъ, чтобы не жить въ такомъ прелесномъ уединеніи!

Едва совѣтникъ произнесъ слова сіи, какъ женщина мелькнула передъ нимъ съ быспроною тѣни; она не произвела ни малѣйшаго шума; она показала изъ подъ орѣшника, посаженнаго съ правой стороны рѣшетки: по походило на видѣніе. Маркизь осполбенѣлъ.

— Ну, д'Альфонъ, что съ тобою? спросилъ его Г. Сюсп.

— Я пропираю глаза, чтобы убедиться сплю ли я, или нѣтъ!..... опѣчалъ онъ прижавшись къ рѣшеткѣ, и спараясь увидѣть еще разъ призракъ.

— Она вѣроятно подъ эшимъ фиговымъ деревомъ сказалъ онъ, указывая Филиппу на вѣтви дерева, возвышавшагося надъ спѣною съ лѣвой стороны рѣшетки.

— Кто? она!

— А я почему знаю? возразилъ д'Альбонъ. Представь себѣ, сказалъ онъ въ пол-голоса, что тамъ явилась мнѣ сей-часъ спрашалъ женщина. Она, казалось, скорѣе принадлежала царству шѣней, чѣмъ дѣйствительному міру. Она была такъ тонка, такъ легка, такъ воздушна, что должна быть прозрачна. Лице ея было какъ молоко. Я думаю, что одежда ея была черная, глаза и волосы показались мнѣ также черными. Она взглянула на меня мимо-

ходомъ, и хопя я, слава Богу, не прусливъ, но хладный и неподвижный взоръ ея оледѣнилъ кровь мою въ жилахъ.

— Хороша ли она собою? спросилъ Филиппъ.

— Не знаю. Я видѣлъ только глаза ея. Волосы у ней распущены, а чело имѣетъ тусклую бѣлизну.

— Чортъ побери обѣдъ въ Кассанъ! вскричалъ полковникъ. Оспанемся здѣсь. Мнѣ, какъ ребенку, хочется войти въ сіе страшное зданіе. Оконныя рамы выкрашены красною краскою. На карнизахъ дверей и спавень сдѣланы красныя полосы. Кажется это жилище нечистаго духа. Онъ можетъ быть наследовалъ оное отъ монаховъ.

— Пойдемъ, побѣжимъ за Бѣлою и Черною Дамою. Все здѣсь романтическое. Впередъ!

Веселость полковника отзывалась чѣмъ-то принужденнымъ.

Въ сіе мгновеніе охотники услышали слабый крикъ, подобный писку мыши, пойманной въ западню. Они начали вслушиваться. Шелестъ попраемыхъ листьевъ кустарника, слышался посреди безмолвія, подобно говору волны. Сколько они ни напрягали своего слуха, земля пребыла безмолвною, и сохранила тайну шаговъ незнакомки, если только она дѣйствительно касалась земли.

— Это удивительно!..... вскричалъ Филиппъ, слѣдуя по изворотамъ, образуемымъ въ лѣсу спѣнами парка.

Оба пріятеля вскорѣ вышли на аллею, ведущую лѣсомъ въ деревню Шоври. Пройдя по сей дорогѣ къ споронѣ Парижа, они очутились передъ большею рѣшенкою, и увидѣли главный фасадъ сего таинственнаго

обиталища. Съ сей стороны безпорядокъ представлялся во всей полнощѣ. Огромныя трещины бороздили стѣны трехъ флигелей, расположенныхъ въ видѣ наугольника. Обломки черепицъ и аспидныхъ досокъ, горами покрывавшіе землю, и обветшалыя крыши показывали совершенную запущенность. Опавшіе плоды лежали необранными подъ деревьями. Корова паслась на лужайкахъ, и пощала цвѣты на курпинахъ, а коза объѣдала виноградныя лозы и обрывала незрѣлыя кисти.

— Здѣсь во всемъ видна гармонія, и самый безпорядокъ какъ бы одушевленъ сказалъ полковникъ, дернувъ за ручку звонка. Но колокольчикъ былъ безъ язычка, и охотники слышали только пронзительный звукъ, издаваемый заржавѣвшею пружиной. Кампика, въ спѣнѣ, возлѣ рѣшетки,

несмотря на свою вежливость, не уступала усиліямъ Филиппа.

— Ого! это спановишься очень любопытнымъ! сказалъ онъ своему повариху.

— Еслибы я не былъ членомъ магистрата, отвѣчалъ Г. д'Альбонъ, то подумалъ бы, что эта черная женщина, колдунья!

Едва онъ произнесъ сіи слова, какъ къ рѣшеткѣ подбѣжала корова, и пропянула къ нимъ свою теплую морду, какъ бы побуждаемая какимъ-то влеченіемъ видѣть людей. Въ ту самую минуту женщина, если только сіе названіе могло приличеспвовалъ необыкновенному существу, явившемуся взорамъ ихъ, подошла къ коровѣ, и взяла ее за веревку.

— Гей! гей! закричалъ полковникъ.

Женщина остановилась, и взглянула на двухъ незнакомцевъ. На головѣ у нея былъ красный плапокъ, изъ подъ кошораго выпадали клочки свѣпмыхъ волосъ, довольно похожихъ на лёнъ, висящій на самопрлкъ. Толстая шерстяная юбка съ черными и съ сѣрыми полосами, короче обыкновеннаго нѣсколькими вершками, позволяла видѣть ея шкры. Ея плечи были обнажены, и можно было подумать, что она принадлежала къ одному изъ племенъ Краснокожихъ, прославленныхъ Куперомъ, ибо ея ноги, шея и руки, казалось, были покрыты кирпичною краскою. Ни одинъ лучъ разума не одушевлялъ ея безчувственнаго лица. Голубоватыя глаза были безъ всякаго огня и блеска. Нѣсколько рѣдкихъ, свѣпмыхъ волосъ служили замѣною бровей. Наконецъ, ея изкривленный ротъ открывалъ рядъ зубовъ неправильныхъ, но за то бѣ-

лыхъ, какъ у пса. Она медленно подошла къ рѣшеткѣ, смотря на охотниковъ съ глупымъ выраженіемъ. Она почти улыбалась; но ея улыбка была насильственная и принужденна.

— Гдѣ мы? что это за домъ? чей онъ? кто ты? здѣсь ли ты живешь?

На сіи вопросы, и на множество другихъ, сдѣланныхъ ей обоими друзьями, она отвѣчала только, какими-то горланными звуками, которые болѣе, казалось, принадлежали живописному, чѣмъ существу разумному.

— Развѣ ты не видишь что она глухо-нѣмая? сказалъ совѣтникъ.

— Братія-послушники! (*)
вскричала крестьянка.

*) *Bons-hommes*—такъ во Франціи прежде назывались меньшіе братія.

— А что! да и въ самомъ дѣлѣ не шакъ ли! Это можетъ быть древній монастырь Брапьевъ-послушниковъ сказалъ Г. д'Альбонъ.

Вопросы начались снова; но подобно своенравному ребенку, крестьянка краснѣла, играла своими деревянными башмаками, крупила веревку, привязанную къ коровѣ, которая опять принялась щипать траву, смотрѣла на охотниковъ, разсмапривала всѣ часни ихъ одежды; она ворчала, визжала, но не говорила.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ ее Филиппъ, вперивъ въ нея взоры, какъ будто бы желая обаять ее.

— Женевьева! сказала она.

Въ ту же минуту она исчезла съ безумнымъ смѣхомъ.

— До сихъ поръ, благоразумнѣйшее созданіе, попавшееся намъ въ семь мѣстѣ, была корова. восклиц-

кнулъ совѣтникъ. Я выспрѣлю изъ ружья, чпобы вызвать кого нибѣудь.

Въ ту самую мнуну, какъ Г. д'Альбонъ брался за ружье, полковникъ оспановилъ его и показалъ ему пальцемъ ту незнакомку, копорая предъ симъ возбудила въ нихъ живѣйшее любопытство. Она медленными шагами шла въ нѣкоторомъ отдаленіи по аллеи, и казалось была погружена въ глубокое мечпаніе. На ней было черное атласное платье, совершенно изношенное. Длинные волосы многочисленными локонами упали на ея чело, вилпсь около плечь, достигали даже до ея талии, и служили ей вмѣсто шали. Она, по видимому, привыкла къ шаковому безпорядку, ибо только изрѣдка откидывала волосы отъ висковъ; и тогда, отпривисто потрясая головою, она однимъ разомъ освобождала свое чело и глаза отъ сего роскошна-

го покрывала; и движеніе ея, подобно движенію живописнаго, показывало удивительную увѣренность. Она достигала своей цѣли съ нееспесивенною быстротою. Охотники съ удивленіемъ увидали, что она вспрыгнула на суцекъ яблони, и сѣла на немъ съ легкоспію пшцы; рвала плоды, ѣла ихъ, и соскочила на землю съ пою пріятною ловкостію, которая прельщаетъ насъ въ бѣлкахъ. Всѣ члены ея были такъ гбки, что даже и въ самыхъ малѣйшихъ ея движеніяхъ нельзя было замѣнить и признака принужденности или усилія. Она играла на правѣ, капалась по ней, словно ребенокъ; попомъ, выпянувъ обѣ ноги и руки, лежала на землѣ со всею нѣгою и безопасностію, свойственными копенку, спящему на солнцѣ. Вдругъ послышались опдаленные расканы грома; она съ живостію обернулась, и спала на чепвереньки съ

чудною ловкостію собаки, копорадчуєть приближеніе незнакомаго. При семъ спранномъ положеніи, ея волосы раздѣлились на двѣ широкія косы, упадавшія съ обѣихъ споронъ головы. Тогда два зрителья сей необыкновенной сцены могли любоваться ея плечами, коихъ очерки имѣли изящную нѣжность, и блиспали бѣлизной подобно полевымъ маргариткамъ. Въ особенності же шея привлекала взоры рѣдкимъ совершенствомъ формъ. Легко было видѣть, что женщина сія сложена прелестно. Она испустила болѣзненный крикъ, и вдругъ вспала на ноги. Ея движенія слѣдовали одно за другимъ съ такою быспропою, съ такою прилпностію, съ такою непринужденностію, что казалось, по было не земное существо, но одна изъ воздушныхъ дѣвъ, воспѣтыхъ Оссіаномъ. Она подошла къ каскаду, скинула свой

башмакъ, подбросивъ его ногою, и по видимому, съ удовольствіемъ погружала въ чистую спрую ногу, бѣлую какъ снѣгъ. Она можетъ быть восхищалась блестящими переливами зыбей, походившими на блескъ драгоценныхъ камней; потомъ, спала на колѣни у края бассейна, и съ истинно-дѣпскою простотою забавлялась, опуская въ воду свои длинные волосы, и поспѣшно вынимала опять, чтобы видѣть, какъ скопившаяся вода упадетъ съ нихъ по каплямъ, которыя, отражая солнечные лучи, составляли какъ бы жемчужные чепки.

— Эта женщина помѣшана!....
вскричалъ совѣтникъ.

Въ сію самую минуту, раздался хриплый крикъ, вѣроятно произведенный Женевиевою, и который, по видимому, относился къ незнакомкѣ. Она вспала, и опкинула волосы опъ лица.

Въ сіе мгновеніе полковникъ и Г-нъ д'Альбонъ могли разсмотрѣть черты сей женщины. Лице ея было чрезвычайно блѣдно; она имѣла большіе черные глаза. Она увидѣла обоихъ друзей; и, бросившись къ рѣшепкѣ съ легкостію лани, достигла оной въ нѣсколько скачковъ.

— *Прощай!* пропзнесла она нѣжнымъ и сладкозвучнымъ голосомъ, хопя сія удивительная мелодія, съ неперпѣніемъ ожидаемая охотниками, казалось, не выражала ни малѣйшаго чувствованія или мысли.

Г. д' Альбонъ восхищался длинными ресницами ея глазъ, ея густыми черными бровями, ослѣпительною бѣлизною ея пѣла, которое не имѣло ни малѣйшаго опниѣнка румянца, ибо однѣ только тонкія, сншія жллки рисовались на ея бѣломъ лицѣ: то была прелестнѣйшая женщина, какую когда либо можно увидѣть.

Совѣтникъ, приведенный въ удивленіе симъ зрѣлищемъ, обернулся къ своему другу; но полковникъ лежалъ позади его, безъ чувствъ, на правѣ. Всѣ сіи обстоятельствова послѣдовали одно за другимъ съ неимовѣрною скоростью.

Испуганный Г. д' Альбонъ выстрѣлилъ изъ ружья на воздухъ, чпобъ вызвать кого нибудь, и закричалъ: *Помогите!* стараясь поднять полковника; но онъ чрезвычайно изумился, увидѣвъ что незнакомка, споявшая до тѣхъ поръ неподвижно, при звукѣ выстрѣла бросилась съ быспроюю стрѣлы, испускающая крики испуга, подобно раненому звѣрю, и кружилась по лужайкѣ со всѣми признаками глубочайшаго ужаса.

Г. д'Альбонъ услышалъ шумъ проѣзжавшей по Иль-Адамской дорогѣ, красивой коляски. Онъ, махая плапкомъ, звалъ на помощь сидѣвшихъ въ

оной. Экипажъ немедленно подѣхалъ, и Г. д'Альбонъ узналъ Г-на и Г-жу Бюель, копорые послѣшно вышли изъ коляски, предлагая оную совѣщнику. Когда, съ помощію лакея, Г. д'Альбонъ перенесъ въ нее своего друга, Г-жа Бюель подала ему спяляночку съ уксу-сомъ, чпобы привести въ чувствва полковника. Вскорѣ Г. Сюси онкрылъ гла-за, обрашилъ ихъ на лужайку, гдѣ не-знакомка продолжала бѣгать съ кри-комъ; и тогда онъ испустилъ вняпное восклицаніе, казалось былъ потрясенъ какимъ то мучительнымъ ощущеніемъ, и снова закрылъ глаза, сдѣлавъ движе-ніе рукою, какъ бы прося своего дру-га, чпобы онъ велѣлъ ѣхать.

— Вошь ужъ вѣрно въ первый разъ видъ женщины приводитъ въ у-жась военнаго! вскричалъ Г. д'Аль-бонъ, распегивая жилетъ своего друга, и давая ему нюхать спиртъ.

Г-нъ и Г-жа Бюель съ упреждающею предположеніемъ предложили свою коляску совѣрнику, сказавъ, что будущъ продолжатъ прогулку пѣшкомъ.

— Что это за женщина? спросилъ совѣрникъ, указывая на незнакомку.

— Предполагаю, что она пріѣхала изъ Мулина, опвѣчалъ Г. Бюель. Говорятъ будто это Графиня Вандіеръ, и что она помѣшана; но такъ какъ она не болѣе двухъ мѣсяцевъ здѣсь, то я не могу ручаться вамъ за достоверность сихъ слуховъ.

Г. д' Альбонъ поблагодарилъ Г-на и Г-жу Бюель, и отправился въ Кассанъ. Лишь только онъ поперялъ ихъ изъ виду, какъ Филиппъ Сюси пришелъ въ память, благодаря острому запаху англійскаго уксуса.

— Это она! вскричалъ онъ.

— Кто? она! спросилъ д' Альбонъ.

— Юлія ахъ! мертва и живая, живая и сумасшедшая. я думалъ, что умру

Благоразумный совѣтникъ могъ теперь постигнуть всю опасность перелома, въ которомъ находился его другъ, и онъ воздержался отъ разспросовъ, чтобъ не разспроить его еще болѣе. Онъ съ нетерпѣніемъ желалъ скорѣе пріѣхать въ замокъ, ибо перемѣна, происшедшая въ чертахъ и во всей особѣ полковника, заставляла его спрашивать, не сообщилась ли Филишу ужасная болѣзнь Графини.

Лишь только коляска подъѣхала къ Иль-Адаму, Г. д'Альбонъ послалъ слугу къ тамошнему доктору, и когда полковника уложили въ постелью, докторъ былъ уже при немъ.

— Еслибы Г. полковникъ не былъ почти на пощакъ, сказалъ хирургъ, то

онъ бы умеръ ! Успалось
спасла его.

Попомъ, сдѣлавъ необходимыя
предписанія, вышелъ, чптобы самому
приготовить успокоительное питье.

На другое утро Г-ну Сюси было
лучше; но врачъ провелъ цѣлую ночь
подъ него, одинъ, не допуская никого
въ комнату больного.

— Признаюсь вамъ, господинъ
маркизь, сказалъ онъ Г. д' Альбону,
что я опасался воспаления въ мозгу. Г.
Сюси получилъ очень, очень сильное по-
трясеніе. Спрашивается сего человѣка чрез-
вычайно пылки, но для него первый
порывъ рѣшиленъ. Можетъ быть
завтра онъ будетъ въ опасности.

Докторъ не ошибся, и на другой
день онъ позволилъ совѣснику навѣ-
стить своего друга.

— Любезный д' Альбонъ, сказалъ
Филиппъ пожавъ ему руку, я ожидаю

опъ тебя одной услуги! Оп-
правься поскорѣе въ старый мона-
стырь! узнай обо всемъ, что касается
до женщины, которую мы тамъ видѣли,
и возвратись поспѣшнѣе, ибо я буду
счипать минуны

Маркизь д'Альбонъ вскочилъ на
лошадь, которую онъ заставилъ бѣ-
жать въ галопъ до древняго аббатства.
Прибывъ туда, онъ увидѣлъ передъ рѣ-
шенкою высокаго, сухощаваго мужчину,
одѣянаго въ черное платье, лице коего
было пріятно и предъупредительно.
Когда совѣтникъ спросилъ его, не жи-
ветъ ли онъ въ семь разрушенномъ
домѣ, незнакомецъ отвѣчалъ утвер-
дительно.

Г. д'Альбонъ разсказалъ ему по-
будительныя причины своего посѣще-
нія, и тогда незнакомецъ воскликнулъ:

— Какъ, милоспивый государь,
это вы сдѣлали топъ пагубный вы-

спрѣль? Вы чуть не убили мою несчастную больную.

— Полноше, милоспивый государь, я выспрѣлилъ на воздухъ !

— Вы бы менѣе причинили зла Графинѣ, убивъ ее.

— Впрочемъ, намъ не въ чемъ упрекать другъ друга, ибо видъ вашей Графини чуть не убилъ Г. Барона Филиппа Сюси.

— Филиппа Сюси ! вскричалъ докторъ поднявъ глаза къ небу и всплеснувъ руками. Былъ ли онъ въ Россіи, при переправѣ черезъ Березину ?

— Былъ, отвѣчалъ д' Альбонъ, его захватили казаки, и онъ былъ отправленъ въ Сибирь, откуда возвратился около одиннадцати мѣсяцевъ тому назадъ

— Войдите, милоспивый государь, сказалъ докторъ и ввелъ совѣщ-

ника въ залу, находившуюся въ нижнемъ этажѣ сего зданія.

Зала сія была богато убрана; но все носило въ оной слѣды своенравнаго опустошенія. Вазы изъ драгоцѣннаго фарфора лежали разбиыя возлѣ споловыхъ часовъ, копорые были въ сохранности. Шелковыя занавѣсы у окошекъ были разорваны, между тѣмъ какъ двойная кисейная занавѣска была въ цѣлости.

— Вы видите, сказалъ войдя докторъ, опустошенія, произведенныя прелестнымъ существомъ, коему я посвятилъ себя

Слова сіи сильно взволновали совѣтника.

— Она мнѣ племянница, продолжалъ докторъ, и, несмотря на несовершенство нашего искусства, я надѣюсь возвратить ей со временемъ разсудокъ, слѣдуя методѣ, копорая, къ

несчастію, сопряжена съ чрезмѣрными издержками.

Потомъ, подобно всѣмъ людямъ, которые живутъ въ уединеніи, будучи жертвою непрерывно возраждающейся горести, онъ въ разговоръ, часто прерываемомъ, подробно разсказалъ совѣснику приключеніе, которое будетъ описано ниже въ болѣе спрощеномъ порядкѣ и безъ опущеній, дѣланныхъ повѣствователемъ и совѣсникомъ. —

Маршалъ Викторъ, начиная, около девяти часовъ вечера опспупанъ опъ высоту Спудзянки, удерживаемыхъ имъ въ продолженіи цѣлаго дня 28-го Ноября 1812 года, оставилъ на оныхъ тысячу человекъ, коимъ предписано было, до послѣдней крайности, защищать топъ изъ двухъ мостовъ, построенныхъ черезъ Березину, который, еще не былъ разрушенъ.

Сей арріеръ-гардъ обрекъ себя на жертву, для спасенія несмѣннаго числа опспавшихъ солдатъ, которые,

окоспенъвъ опъ жестокыхъ морозовъ, никакъ не рѣшались покинуть обозы арміи. Но великодушное самоотверженіе людей, сославлявшихъ сей арріеръ-гардъ долженствовало быть бесполезнымъ.

Солдаты, полками пѣснившіеся на берегахъ Березины, къ несчастію встрѣчали на оныхъ безчисленное множество экипажей, фуръ и всякаго рода утвари, которые армія вынуждена была бросить, совершая свой переходъ въ продолженіе 27 и 28 чиселъ Ноября мѣсяца. Сдѣлавшись нечаянно обладателями такихъ сокровищъ, сіи несчастные, обезумѣвшіе опъ зимнихъ буръ, жили на открытыхъ бивакахъ, забирали разныя вещи для постройки себѣ шалашей, разводили огни, бросая въ оныя все, что попадалось имъ подъ руку, пипались кониною, обдирали съ экипажей и фуръ сукно, кожу, холстъ, чтобъ защитить себя опъ

спужн, и предавались сну, вмѣсто того чптобы продолжашь путь, и спокойно перейши ночью шу самую Березину, копорая, по спранному какому-то предопредѣленію, содѣлалась уже предъ симъ столь пагубною для Французской арміи.

Безчувспенность сихъ несчастныхъ солдатъ могутъ постигнуть только тѣ, копорые сами переходили сіи неизмѣримыя снѣжныя степи, представлявшія, для утоленія жажды одинъ только снѣгъ, для успокоенія — только снѣжное ложе, уполеннымъ взорамъ — снѣжный небосклонъ, для пищи — снѣгъ и нѣсколько мерзлыхъ свекль или другихъ овощей, кой-гдѣ пригоршню муки или кусокъ конины. Сии спрадальцы, одоленные сномъ, изнемогающіе отъ голода, жажды и усталости, приходили на равнину, гдѣ видѣли дрова, огни, съспные припасы,

несмѣтное число оставленныхъ экипажей, биваки, однимъ словомъ — импровизированный городъ; ибо деревня Спудзянка была совершенно разобрана, раздѣлена на части, перенесена съ высотъ на равнину. Хотя по былъ *жалкій и опасный городъ*, но все-таки городъ, и мѣсто не столь неумолимое, какъ ужасныя степи Россіи. Существованіе сего обширнаго госпиталя, гдѣ царствовала мука, мрачная, молчаливая, продолжалось двадцать часовъ. Совершенное равнодушіе къ жизни или ощущеніе неожиданнаго благосостоянія, самымъ естественнымъ образомъ содѣлывало сіи несмѣтныя толпы нечувствительными ко всякой иной мысли, кромѣ мысли объ отдыхѣ.

Артиллерія праваго крыла Русской арміи безъ умолку громила сію массу, которая рисовалась на снѣгѣ по чернымъ, по огненнымъ пятнамъ;

но неупомымыя ядра казались для око-спенълой толпы только лишнимъ не-удобствомъ. То была какъ бы гроза, на которую всѣ смотрѣли равнодушно, потому что ея молніи могли только кой-гдѣ поразить умирающаго, больнаго или разразиться надъ мер-твецомъ.

Опоставшіе безпрестанно являлись толпами. Снѣгъ какъ бы движущіеся пруды разсыпался въ ту же мину-ту, и, бродя около огней, какъ нищіе просили уголка возлѣ оныхъ; чаще всего, получая отказъ, они собирались опять въ толпы, и, не внемля гласу нѣкоторыхъ офицеровъ, предсказываю-щихъ имъ смерть на будущій день, они истощали запасъ бодрости, необ-ходимый для переправы черезъ Берези-ну, на устройство себѣ шалашей на ночь или на пріисканіе скудной пищи. Смерть, ожидавшая ихъ, не была уже

зломъ, ибо обѣщала имъ часъ успокоенія. Они называли *зломъ* только голодъ, жажду и спужу. Когда не стало болѣе дровъ, огня, холста, шалашей, тогда возникли кровопролитныя драки между вновь явившимися солдатами и пѣши, которые имѣли еще какія нибудь убѣжища: слабые погибали. Наконецъ, дошло до того, что опустошающіе солдаты, пѣсными Русскими, имѣли вмѣсто бивака обнаженное, снѣжное поле, на которое ложились, и не вставали болѣе.

Нечувствительнымъ образомъ сія масса существъ, почти безжизненныхъ, стала столь густою, такъ онѣмѣла, такъ обезумѣла, или, можетъ быть, была такъ счастлива, что ея доблестный защитникъ, Маршалъ Викторъ, который въ продолженіи двухъ дней съ шестью тысячами держался противъ превосходнѣйшаго числа Русскихъ,

предводительствуемых Випгенштейномъ, вынужденъ былъ открытою силою пробиться сквозь сей лѣсъ солдатъ, чптобы перевести черезъ Березину пятиптысячный отрядъ храбрыхъ, долженствовавшихъ присоединиться къ Императору.

Сии несчастные позволяли раздавлять себя, но не прогались съ мѣста. Они погибали безмолвствуя, улыбались при видѣ попухающихъ огней, и не воспоминали даже о Франціи.

Только въ десять часовъ вечера Герцогъ Белмонской достигъ противоположнаго берега рѣки. До перехода черезъ мосты, ведущіе въ Зембинъ, онъ поручилъ судьбу арріеръ-гарда, оставленнаго близъ Спудзянки, тому Эбле, который былъ спасителемъ всѣхъ несчастныхъ, пережившихъ бѣдствія, претерпѣныя при Березинѣ.

Около полуночи, сей доблестный генералъ вышелъ изъ занимаемаго имъ небольшого шалаша, споявшаго возлѣ моста; и, въ сопровожденіи безспрашнаго офицера, спалъ осматривать лагерь, расположенный между берегомъ Березины и дорогою, ведущею изъ Борисова въ Спудзянку. Орудія Русскихъ замолкли; безчисленные огни, кои посреди сугробовъ снѣга блѣднѣли и казалось почти не изливали свѣта, кой-гдѣ освѣщали лица, поперявшія видъ человѣческій; около тридцати тысячъ спрадальцевъ всѣхъ націй, брошенныхъ Наполеономъ на Россію, съ грубою безчувственностію играли тупъ своею жизнию.

— Надобно спасти всѣхъ сихъ несчастныхъ! сказалъ генералъ.

— Завтра поутру, прибавилъ онъ, Русскіе овладѣютъ Спудзянкою; посему надобно будетъ сжечь мостъ,

лишь только они покажутся; и такъ, другъ мой, соберись съ духомъ. Проберись до высоты. Скажи генералу Фурнье, что онъ едва успеетъ оставить свою позицію, пробившись сквозь сію толпу и перейши мостъ. Дождавшись его выступленія, слѣдуй занимъ; попомъ, съ помощію нѣсколькихъ здоровыхъ людей, безъ жалости сожги всѣ биваки, всѣ экипажи, фуры, телеги, словомъ все! Гони къ мосту весь эпопъ народъ! Принудь всякаго, кто только въ соспояніи передвигаетъ ноги, перейши на ту сторону. Теперь, послѣднее наше средство—пожаръ. Еслибы Бертье далъ мнѣ испребить сіи проклятые обозы, то эта рѣка не поглотила бы никого кромѣ моихъ бѣдныхъ понпонныхъ сихъ пятидесяти героевъ, которые спасли армію и — будутъ забыты!

Генераль приложилъ руку къ челу и задумался. Онъ предчувствовалъ,

что Польша будетъ его могилою, и что ни одинъ голосъ не возвысился для прославленія самоопроверженія сихъ великодушныхъ героевъ, которые погибли въ волнахъ — въ волнахъ Березины! — укрѣпляя московскыя козлы. — Одинъ изъ нихъ живетъ еще, или, вѣрнѣе, спрдасть, въ деревушкѣ, — забытый!.....

Адьюпантъ опшравился.

Едва великодушный офицеръ успѣлъ сдѣлать сотню шаговъ къ Спудзянкѣ, какъ генералъ Эбле, разбудивъ человѣкъ шесть измученныхъ пошпонныхъ солдатъ, приступилъ къ исполненію своего челоѣколюбиваго предначертанія, приказавъ имъ зажечь биваки, расположенные около моста, чѣмъ и принудилъ, по близости оной онаго спавшихъ людей, перейти Березину.

Между тѣмъ Адьюпантъ, не безъ труда достигъ единственнаго избы, которая оставалась въ Спудзянкѣ.

— Избенка-то чай плопно набита, поварищъ, сказалъ онъ человеку, стоявшему у дверей.

— Если прополкаешься въ нее, то будешь удалой малой! оп-вѣчалъ офицеръ не оглядываясь, и продолжая щепить саблею деревянную спѣну избы.

— Это ты, Филшпъ? скалалъ Адьюпаншъ, узнавъ по голосу одного изъ своихъ пріятелей.

— Я а! а! это ты, дѣдушка, возразилъ Г. Сюси, взглянувъ на Адьюпанша, которому, какъ и ему самому, было не болѣе двадцати-трехъ лѣтъ. Я думалъ, что ты на другомъ берегу этой проклятой рѣки. Не принесъ ли ты намъ пирожковъ и вареньевъ на десертъ? — Тебя примушь славно прибавилъ онъ, со-

дравъ кору съ бревна, которую, вмѣ-
сно корму, давалъ своей лошади.

— Я пишу вашего начальника,
чтобы сообщилъ ему, оупъ имени ге-
нерала Эбле, приказаніе пянупься къ
Зембину! Вы едва успѣете пробрапъ-
ся черезъ эту массу пруповъ, копо-
рыхъ я сей-часъ подожду, чтобы за-
спавипь ихъ иппи.

— Ты почти согрѣлъ меня, ибо
оупъ пивоего извѣспія поупъ проспуп-
пилъ на мнѣ. Я долженъ еще спасти
двухъ особъ, близкихъ моему сер-
цу! О! когда бы не эти двѣ
сонн, дѣдушка, я бы уже переспалъ
жипшь! Только для нихъ я забочусь о
своей лошади, и еще до сихъ поръ не
съѣлъ ее. Ради Бога, нѣпшь ли у те-
бѣ кусочка сухаря? Вопъ
уже придцать часовъ, что я ни кро-
хи не клалъ въ свой чемоданъ, а дра-
лся какъ бѣшенный, чтобы сохранипъ

попъ остатокъ теплопы и храбро-
спы, который еще не угасъ во мнѣ.

— Бѣдный Филиппъ! ни
кусочка, ни кусочка. Но гдѣ генераль?
Не шупъ ли?

— И не думай войщи! Въ
этомъ сараѣ всѣ наши раненые.
Спулай немного выше! — Ты вспрѣ-
пшишь, вправо, родъ свиного хлѣ-
ва. И вопъ тамъ-то ты най-
дешъ генерала! Прощай, хра-
брый поварщъ. Если мы ког-
да нибудь будемъ вмѣстѣ панцовать
Французскую кадрили на паркетѣ, въ
Парижѣ.

Онъ не кончилъ своей рѣчи, ибо въ
сію минуту подулъ такой пронзитель-
ной вѣтеръ, что Адютантъ прину-
женъ былъ побѣжать, дабы не замерз-
нуть, а губы маіора Филиппа окоченѣли.

Вскорѣ воцарилось безмолвіе. Толь-
ко, по временамъ, оно было возмущае-

мо воплями, исходящими изъ хижины, и глухимъ шумомъ, производимымъ лошадыю Г. Сюси, грызущею опъ голода и бѣшенства оледенѣлую кору на бревнахъ, изъ копорыхъ была построена изба. Маіоръ вложилъ въ ножны свою саблю; и схвативъ съ живоспью за поводья драгоцѣнное живошное, сбереженное шмъ, оппацилъ оное, не смотря на сопротивленіе, опъ жалкаго корма, копорымъ бѣдная лошадь, казалось, довольспивовалась.

— Впередъ, Ланочка! впередъ..... Ты одна, красавица моя, можешь спасти Юлію! Придетъ чреда, и намъ будетъ позволено опдохнуть — когда умремъ

И Филшпъ закутанный шубой, копорой онъ былъ одолженъ сохраненіемъ своей жизни и бодрости, побѣжалъ, постукивая ногами объ оледенѣлый снѣгъ, дабы шмъ согрѣпсья.

Едва полковникъ опошелъ шаговъ около пяпи-сотъ, какъ увидѣлъ большой огонь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще съ самага утра оставилъ свою карету подѣ надзоромъ спараго, неустрашимаго солдата. Невыразимое безпокойство овладѣло имъ; и подобно всѣмъ, кои испытали ужасы сей бѣдственной годины, и находилъ въ себѣ какую-то могущественность духа, онъ обрѣлъ, для спасенія милыхъ его сердцу, такія силы, которыхъ бы не имѣлъ для собственнаго своего спасенія. Вскорѣ онъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ небольшого оврага, въ которомъ, для безопасности отъ ядеръ, онъ помѣстилъ молодую женщину, подругу своей юности, драгоцѣннѣйшее его сокровище!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кареты, человекъ съ пиджакомъ толпились около огромнаго огня, который они

поддерживали бросая въ оный разные обломки фуръ, колеса, доски, разбишыя части повозокъ. Сии солдаты были вѣроятно послѣдніе изъ числа тѣхъ, которые, опъ гряды возвышеній образуемой мѣстностію около Спудзянки до пагубной рѣки, составляли какъ бы океанъ головъ, огней, шалашей, живое море, волнуемое движеніями почти нечувствительными, и издававшее какой-то глухой гулъ, по временамъ сопровождаемый ужаснымъ прескомъ. Побуждаемые голодомъ и опчаяніемъ, сии несчастные вѣроятно употребили насилие, чпобъ завладѣть карепою. Старый генераль и молодая женщина, которыхъ они нашли покоящимся въ ней на подушкахъ, и закутанными въ шубы, лежали теперь свернувшись предъ огнемъ. Карепа была опворена, а одни дверцы опбиты. Лишь только люди, находящіеся у огня, слышали

шумъ шаговъ приближающагося маіора и его лошади, какъ поднялся между ними крикъ бѣшенства. То было испугленіе голода и благополучія.

— Лошадь! лошадь!

Сей вопль былъ единодушнымъ. Всѣ голоса слились въ одинъ голосъ.

— Прочь! берегись! закричали два или три солдата, прищѣливаясь въ лошадь.

Филлиппъ спалъ передъ своею кобылою, и сказалъ:

— Мошенники! я васъ всѣхъ опрокину въ огонь! Вонъ тамъ, выше, есть павшія лошади! Спупайте за ними

— Прямой забавникъ, эпопъ офицеръ! Разъ, два, опойдешь ли? прибавилъ гренадеръ исполинскаго роста. — Нѣтъ! — Ну, какъ хочешь, самъ на себя пеняй!

Крикъ женщины заглушилъ залпъ. Къ счастью Филиппъ не былъ раненъ, но Ланочка пала подъ выстрѣлами. Бѣдное живописное боролось съ смертію, но при человѣка бросилъ на него, и докончили штыками.

— Живодѣры! Дайте мнѣ попоны и писполепы! воскликнулъ Филиппъ съ опчаяніемъ.

— Писполепы, изволь! молвилъ гренадеръ; но что касается до попоны, вошь пѣхотинецъ, у котораго двое супокъ *ни крохи не было за зубами* Онъ шакъ и дрожипъ въ своемъ уксусномъ плащѣ!..... Это нашъ генераль. —

Филиппъ замолчалъ, видя передъ собою человѣка, почти безъ обуви одѣтаго въ панталоны, изорванныя мѣспяхъ въдесяпи, и имѣвшаго на головѣ изношенной полщейскій колпакъ, покрытый изморозью.

Тогда онъ поспѣшно взялъ писто-
лелы; и между тѣмъ какъ привязы-
валъ оныя къ своему поясу, пять чело-
вѣкъ принесли кобылу къ огню, и на-
чали разбиратъ ее на часни съ такимъ
же искусствомъ, какъ какой нибудь мя-
сникъ въ Парижѣ. Оперѣзанные кус-
ки съ волшебною силою пчезали, и
бросаемы были на уголья. Маіоръ сѣлъ
возлѣ женщины, копорая за минушу
предъ симъ, узнавъ его, испустила
крикъ ужаса. Онъ нашелъ ее неподви-
жною; она сидѣла на каретной подушкѣ,
и грѣлась передъ огнемъ. Она безмол-
вно посмошрѣла на него — и даже не
улыбнулаеь ему.

Тогда Филиппъ увидѣлъ возлѣ се-
бя рядоваго, копорому поручилъ обо-
ронять карету. Бѣдняга былъ раненъ.
Тѣснимый со всѣхъ сторонъ солда-
тами, онъ принужденъ былъ уступитъ
ихъ числу; но, подобно собакѣ, защи-

щавшей до послѣдней минуты обѣдъ своего господина, онъ захватилъ участокъ изъ добычи, и сдѣлалъ себѣ родъ плаща изъ проспаныи. Въ сію минуту, онъ поджаривалъ кусокъ мяса убитой кобылы, и маіоръ легко могъ прочитать на его лицѣ радость, ощущаемую имъ при видѣ приготовленій пира.

Графъ Вандіеръ, который за три дня передъ симъ, впалъ какъ бы въ младенчество, лежалъ подъ подушкой, возлѣ своей жены. Онъ смотрѣлъ неподвижнымъ, тусклымъ окомъ на пирамидальный пламень, опъ шепелы котораго начиналъ опогрѣваться. Залпъ, слышанный имъ, прибытіе Филиппа, не болѣе взволновали его, какъ и бой, въ слѣдствіе котораго его карета была разграблена.

Сперва Филиппъ схватилъ руку молодой Графини, какъ бы желая выразить ей свою привязанность и собо-

лѣзнованіе, ощущаемое имъ при видѣ постигшихъ ее бѣдствій; но онъ пребылъ безмолвнымъ, сидя возлѣ нея на сугробѣ шалова снѣга, съ копораго текла вода. Онъ самъ успушилъ счастію погрѣться, забывъ опасность, забывъ все. Его лице, вопреки его волѣ, подернулось судорожнымъ выраженіемъ почти безумной радости, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, чпобы кусокъ кобылы, удѣленный его солдапу, былъ изгоповленъ; ибо запахъ сего жаренаго мяса подспрекалъ его голодъ, а голодъ заспавлялъ молчашь въ немъ голосъ сердца, мужества и любви. Онъ посмопрѣлъ безъ гнѣва на слѣдствія разграбленія своей кареты. Всѣ люди, расположенные около огня, раздѣлили между собою одѣяла, подушки, шубы, мужскія и женскія плащя, принадлежавшія графу, графинѣ и маіору. Сей послѣдній взглянулъ на корпусъ кареты, же-

лая знашь, можетъ ли оный еще служить къ чему нибудь. При свѣпѣ огня, онъ увидѣлъ разбросанныя золопыя вещи, брилліанты, серебро, принадлежашіе графинѣ, и никто не думалъ присвоить себѣ малѣйшую часпицу оныхъ.

Всѣ люди, случайно сполпившіеся около сего огня, хранили молчаніе, имѣвшее въ себѣ что-то ужасное. Каждый изъ нихъ дѣлалъ только то, что клонилось къ личному его благосостоянію. Сіи бѣдствія являли собою даже смѣшную спорону. Всѣ лица, искаженныя морозами, были покрыты оболочкою грязи, на которой слезы, начиная отъ глазъ и до нижней часпи щекъ, провели борозды, свидѣтельствовавшія о полщинѣ сей личны. Неопряпныя бороды дѣлали сихъ солдатъ еще болѣе безобразными. Нѣкоторые изъ нихъ были окутаны въ женскія шали; на

другихъ были чапраки, попоны покры-
пья грязью, лохмотья осыпанныя ша-
лою изморозью; иные имѣли на одной
ногѣ сапогъ, а на другой башмакъ. Не
было ни одного человѣка, чья бы одеж-
да не представляла какой нибудь шу-
повской спранныости. При видѣ столь
смѣшныхъ преобразованій, сии люди
были мрачны и безмолвны. Молчаніе
было только прерываемо прескомъ де-
рева и пламени, отдаленнымъ гуломъ
лагеря и звукомъ сабельныхъ ударовъ
самыхъ голодныхъ солдатъ, которые
отрубали опъ Ланочки лучшіе куски.
Нѣсколько человѣкъ изъ несчастныхъ,
болѣе упомянутые, спали. Когда одинъ
изъ нихъ капнулся въ огонь, никто не
удерживалъ его, ибо сии спроте логики
разсуждали, что если онъ еще живъ,
то обжога должна надоумить его и-
скапъ безопаснѣйшаго мѣста. Если не-
счастныи просыпался въ огнѣ, и по-

помѣ погибалъ, то никто не изъявлялъ сожалѣнiя; развѣ только случилось, что солдаты посмапривали другъ на друга, чтобы оправдать себя въ безчувственности, чистая нечувствительность въ глазахъ другихъ поварихей.

Два раза, графиня была свидѣтельницею такого зрѣлища; она нѣмѣла, и пребыла неподвижною.

Когда куски конины были поджарены, то каждый утомясь голодомъ съ пою жадностию, которая, даже въ животныхъ, кажется намъ столь отвратительною.

— Вотъ ужъ вѣрно въ первый разъ, что на тридцать человекъ пѣхотинцевъ хватило одной лошади!..... вскричалъ гренадеръ, выспрѣлвившій по Ланочкѣ.

То была единственная шутка, въ которой проявился народный духъ.

Вскорѣ бóльшая часть сихъ бѣдныхъ солдатъ закупалась въ свои одежды, расположилась на доскахъ и на такихъ предметахъ, кои могли предохранить ихъ отъ соприкосновенія съ снѣгомъ, и заснула, безпечная на счетъ будущаго дня.

Когда майоръ опогрѣлся, и уполнилъ свой голодъ, тогда неодолимый сонъ опягошилъ его въжди. Юлія спала. Онъ созерцалъ сію молодую женщину только во время краткаго промежутка его борьбы съ дремопой. Она была закутана въ шубу и въ драгунскую шинель изъ толстаго сукна. Ея голова покоилась на подушкѣ, обрызганной кровью; ноги были завернуты шинелью. Аспраханская шапочка, подвязанная плапкомъ, охраняла, по возможности, ея лице отъ спужи. Въ такомъ положеніи, она рѣшительно ни на что не походила. То была слов-

но колода. Но какъ графиня, засыпая, оборопилась лицомъ къ огню, то маіоръ могъ видѣть закрытые глаза и часть ея чела. Была ли то послѣдняя маркипанша? Была ли то прелестная женщина, слава любовника, царица празднествъ, богопворимая Сильфиды, блестящая изящностію формъ, граціей, свѣжестію? Увы! самое око преданнѣйшаго ея друга, ничего въ ней не видѣло прежняго То былъ предметъ безъ названія, груда одеждъ и лохмотьевъ, словомъ — шрупъ. Любовь была убита морозами, даже въ сердцѣ женщины.

Сквозь мрачную пелену, копорою самый неодолимый сонъ заспалъ глаза маіора, ему предспавлялись мужъ и жена, какъ двѣ почки. Сверканіе огня, распроспершыя возлѣ онаго существа, ужасный морозъ, свирѣпспвующій въ

прехъ шагахъ опть теплоты кратко-
временной То былъ уже сонъ.

Докучная мысль ужасала Филиппа.

— Мы всѣ погибнемъ, если я усну Я не буду спать

Онъ спалъ.

Ужасные вопли и взрывъ разбудили Г-на Сюси, послѣ сна, продолжавшагося не болѣе одного часа. Чувство долга, опасность Юлиа, упали всею своею пятою на его сердце. Онъ испустилъ крикъ, подобный реву. Одниъ онъ и его солдаты вскочили. Они увидѣли огненное море, своеправное пламя, которое передъ ними, ярко обозначало на мрачномъ группѣ толпу людей, пожирая биваки и всѣ шалаши; сверхъ сего слышались имъ вопли опчаянiя, визги; представились ихъ взорамъ тысячи спрашныхъ, бѣшеныхъ лицъ; и по временамъ наступали промежутки ужаснаго молчанiя. Посреди

сего ада, гусная колошша солдатъ пробивалась къ мѣстну, окруженная съ обѣихъ споронъ гудами пруповъ.

— Это опспуленіе нашего арріеръ-гарда! вскричалъ маіоръ. Нѣтъ болѣе надежды!

— Я не пронуль швоей карепы, Филиппъ! молвилъ дружескій голось.

Г. Сюси обернулся, и, при блескъ огней, узналъ молодаго адьюпанша.

— Все погнбло! опвѣчалъ маіоръ. Они съѣли мою лошадъ!.... Припомъ, какъ я заспаваю шппи эпаго обезумѣвшаго генерала и его жену?

— Возми головню, Филиппъ, и поспращай ихъ!

— Спращатъ графнню!

— Прощай! вскричалъ адьюпаншъ. Мнѣ остаенся только время, необходимое для перехода а перей-

пи я долженъ! У меня во Франціи оспалась мапъ! Какая ночь! Толпа сія предпочипаепъ оспапъся на снѣгу, и большая часть снхъ несчастныхъ скорѣе соглашается сторѣтъ, чѣмъ подняться на ноги. Уже чепыре часа, Флипшъ! Черезъ два часа Русскіе зашевелипъся. Я увѣряю тебп, что ты еще разъ увидишь Березину, покрывую прупами Флипшъ, подумай о себѣ! Пойдемъ. У тебп нѣтъ лошадей; ты не можешь неспи графиню. И такъ, пойдемъ.

— Другъ мой, покинушь Юлію?..... мою Юлію!

Маіоръ обхвалпль графиню, поставилъ ее на ноги, потрясалъ ее съ суровостію чеповѣка, приведеннаго въ отчаяніе, и наконецъ, принудилъ ее пробудпться. Она взглянула на него неподвижнымъ, мерпвымъ окомъ.

— Надобно иппш, Юлія, или мы погибнемъ — здѣсь.

Вмѣсто отвѣта, графиня пыпалась опусппсь на землю, чптобы предапсь сну.

Адьюпанп схвапшль головню, и началъ махашь оною предъ лщемъ Юліи.

— Спасемъ ее насильно!
вскричалъ Филиппъ.

Попомъ онъ подпалъ графиню и опнесъ ее въ карету. Возвращаясь, онъ просилъ помощи у своего друга, и взявъ вмѣспъ спараго генерала, не зная мерпвъ ли онъ или живъ еще, положили возлѣ графини. Наконецъ, оппалкивая ногою каждаго солдата лежавшаго на землѣ, маіоръ опбиралъ опъ нихъ то, что они захвапши, набрасалъ разныхъ теплыхъ одеждъ на обонхъ супруговъ, и сунулъ въ уголь

карепы нѣсколько поджаренныхъ кусковъ своей кобылы.

— Чпо ты намѣренъ дѣлать?.....

— Тащипь карепу сказалъ маіоръ.

— Ты сошелъ съ ума!

— Правда! вскричалъ Филшпъ, сложивъ руки на груди.

Вдругъ, казалось, въ умѣ его мелькнула мысль, внушенная ему опчачніемъ.

— Слушай, сказалъ онъ, схвативъ нераненую руку своего солдата, я поручаю тебѣ ихъ на одшъ часъ. Помни, чпо ты долженъ умереть прежде, чѣмъ подпустишь кого либо къ сей карепѣ.

Сказавъ сіе, маіоръ взялъ въ одну руку брилліанты графини, а другою обнаживъ свою саблю, началъ будишь, ударяя оною плашмя, тѣхъ изъ спя-

щихъ солдатъ, коихъ онъ считалъ самыми неуспрашиваемыми.

Онъ успѣлъ наконецъ разбудить испанскаго гренадера и двухъ другихъ людей, коихъ чинъ распознать было невозможно.

— Мы *згинемъ* сказалъ майоръ.

— Очень знаю отвѣчалъ гренадеръ.

— И пакъ!—двухъ смертей не будетъ! а потому не лучше ли положить живопъ за красавицу, и попытаться еще разъ увидѣть Францію.

— По моему лучше соснуть!..... сказалъ одинъ солдатъ, ворочаясь на снѣгу. И если ты еще разъ пронешь меня, майоръ, то я тебѣ *всажу* те-сакъ въ брюхо.

— Въ чемъ дѣло, майоръ? возразилъ гренадеръ. Молодецъ-то пьянъ!

Онъ Парижанинъ; а эптоиъ народъ
любитъ понѣжиться.

— Эпо все будешъ пвоимъ, хра-
брый гренадеръ! вскричалъ маіоръ по-
казывая ему цѣлую грудь бриллиан-
товъ, если ты согласишься слѣдовать
за мною и драпъся какъ бѣшеный.....
Русскіе опъ насъ минупъ на десять
пупи; у нихъ естъ лошади; мы отпра-
вимся къ ихъ ближайшей бапарен, и при-
ведемъ опшуда двухъ скакуновъ.

— А часовые-по, маіоръ?

— Одинъ изъ насъ прехъ.....
сказалъ онъ солдапу.

Онъ оспановился, и взглянувъ на
адьюпанта, спросилъ его:

— Ты пойдешъ съ нами, Иппо-
липъ, не правда-ли?

— Одинъ изъ насъ, продолжалъ
онъ попомъ, перевѣдается съ часо-
вымъ. Къ помужъ, можешъ бытъ
эпи проклятые Русскіе пакже спяпъ.

— Дѣло, маіоръ, дѣло; смѣлымъ Богъ владѣетъ. Но ты, не правда-ли, дашь мнѣ мѣспечько въ своей колымагѣ? сказалъ гренадеръ.

— Дамъ, если только ты не оставишь своей шкуры тамъ, на бапарей.

Всѣ прѣе пожали другъ другу руки, и между ними произошло минутное молчаніе.

— Если я погибну, Исполитъ! И ты, гренадеръ, общайше мнѣ не щадишь жизни для спасенія графини.

— Общаю! вскричалъ гренадеръ.

Сіи храбрые при человекѣ, направили шаги свои къ Русской линіи, къ нѣмъ самымъ бапареямъ, копорья, такъ жестоко, громили толпы несчастныхъ, лежавшихъ на берегу рѣки.

Они пошли туда впроемъ, а только двое возвратилось.

Черезъ часъ, попопъ осьми копыпъ раздался на снѣжной равнинѣ, и пробужденная бапарея напуспвовала ихъ быспрыми залпами; ядра лешали надъ спящими; шаги лошадей были такъ часпы, что можно было подумать, будто кузнецы куютъ железо. Веллкодушный адьюпантъ палъ. Аплепическій гренадеръ оспался цѣлъ и невредимъ. Но Филиппъ, защищая своего друга, былъ раненъ шпыкомъ въ плечо. Несмотря на то, онъ уцѣпился за гриву лошади, и такъ сильно сжималъ ее ногами, что она была какъ бы въ пискахъ.

— Благодареніе Богу!
вскричалъ маіоръ, найдя солдата возлѣ карепы, которая была все еще на прежнемъ мѣспѣ.

— Если вы, ваше благородіе, мало-мальски любите правду, то должны предспавить меня къ креспу!

Мы славно - таки попѣшили ихъ дудкою и смычкомъ а?

— Мы ничего не сдѣлали!

Запроемъ лошадей. Возми эти веревки.

— Ихъ мало.

— Ну! такъ распормаши этихъ соней, и употреби въ дѣло ихъ плапки, бѣлье!

— Вотъ тебѣ и на! эпопъ забавникъ умеръ! вскричалъ гренадеръ, оббирая перваго, понавшагося ему подъ руку. — Они умерли!

— Всѣ?

— Всѣ! Дурное пищевареніе опъ конины, приправленной снѣгомъ, огнемъ!

Слова сіи заснавили Филиппа содрогнувшись. Холодъ успился.

— Боже мой! потерялъ женщину, которую я уже спасалъ сполько разъ!

Маіоръ будиль графиню, улыба-
ясь ей:

— Юлія Юлія!

Молодая женщина подняла голову,
и опскрыла глаза.

— Юлія! мы спасены.

— Спасены! повторила
она, упадая снова на прежнее мѣсто.

Наконецъ карета была кое-какъ
запряжена. Маіоръ, держа въ здоровой
рукѣ саблю, а въ другой возжи, воору-
женный пистолетами, сѣлъ на одну
лошадь, а гренадеръ на другую.

Солдата, у котораго ноги были
опморожены, бросил поперегъ въ ка-
рету, на генерала и на графиню.

Лошади, погоняемые ударами са-
бли и псака, понесли карету съ нѣ-
которою яростию, по равнинѣ. Но
множество препятствій ожидали на
оной маіора. Когда они вѣхали въ се-
редину толпы, имъ невозможно было

сдѣлать шага безъ того, чтобы не раздавить мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, уснувшихъ, почти безчувственныхъ. Тщепно искалъ онъ пупи, проложеннаго предъ симъ арріеръ-гардомъ среди сей толпы людей: онъ принужденъ былъ ѣхать шагомъ, часто былъ останавливаемъ солдатами, которые угрожали убить его лошадей.

— Желаете-ли вы проѣхать? вскричалъ гренадеръ.

— Цѣною всей моей крови!
цѣною цѣлаго міра! отвѣчалъ
маіоръ.

— Когда такъ, впередъ!
яшницы не сдѣлашь, не разбивъ
яиць!

И гренадеръ погонялъ лошадей на народъ, обогнулъ кровію колеса, развалилъ биваки, оставляя съ обѣихъ сторонъ борозды смерти среди сего поля труновъ. Но должно опзданъ ему

справедливоснѣ въ томъ , что онъ не переспавалъ кричащѣ громкимъ голо-сомъ:

— Берегись, падаль!

— Несчастные! вскричалъ маіоръ.

— Вотъ еще! это или морозъ, это или ядро!

И гренадеръ оживлялъ лошадей, покалывая ихъ кончикомъ своего песака. Но вдругъ, ихъ оспансвилъ несчастный случай, котораго должно было ожидать ранѣе , и котораго они до сихъ поръ избѣжали немовѣрнымъ образомъ. Карета опрокинулась.

— Я ожидалъ эшаго! вскричалъ неуспрашмый гренадеръ. Ого! поварищъ-то умеръ.

— Бѣдный Лаврентій! сказалъ маіоръ.

— А! такъ его звали Лаврентіемъ. Не пяпаго-ли егерскаго онъ?

— Да

— Онъ мнѣ двоюродный братъ. Да что! наша собачья жизнь не спомнишь того, чтобы сожалѣть объ ней въ такую пору.

Легко вообразить, что безъ ужасной, невозвратимой потери времени, нельзя было поднять карету и высвободить лошадей.

Толчокъ былъ такъ силенъ, что молодая графиня, бывъ разбужена и выведена изъ своего оцѣпененія симъ сопрясеніемъ, сбросила съ себя верхнія одежды, и поднялась. Она посмотрѣла вокругъ себя.

— Филиппъ! вскричала она нѣжнымъ голосомъ, гдѣ мы?

— Шагахъ въ пяти - спяхъ отъ моста. Мы переѣдемъ Березину. На другомъ берегу рѣки, Юлія, я тебя не буду беспокоить болѣе! я дамъ тебѣ спать. Мы будемъ въ

безопасности мы спокойно
дойдемъ до Вильны. И, дай Богъ,
чтобъ ны никогда не знала, чего спо-
пла мнѣ жизнь пивоя!

— Ты раненъ?

— Это ничего.

Но минуша развязки настала.

Пушечный выстрѣлъ Русскихъ
возвѣспилъ день. Овладевъ Спудзян-
кою, они осыпали ядрами равнину; и,
съ первымъ сіяніемъ упра, маіоръ уви-
дѣлъ, что ихъ колонны спрояпся, и
приходипть въ движеніе на высотахъ.

Тогда крикъ тревоги поднялся изъ
средины сей толпы. Въ одно мгнове-
ніе всѣ были на ногахъ. Каждый, по
какому-по безопасному чувству, по-
нялъ опасность. Всѣ бросимсь къ мо-
сту, съ стремительностію прилива.
Русскіе спускались съ высотъ, съ бы-
спрошою пламенн. Мужчины, женщи-
ны, дѣши, лошади, все толпилось къ

моспу. Къ счастью, маіоръ и графиня были еще довольно далеко отъ берега, ибо генераль Эбле уже зажегъ мостовые козлы на противоположной сторонѣ.

Несмотря на предостереженія, сдѣланныя шѣмъ, кои усѣяли сей путь спасенія, никто не хопѣлъ сойти съ онаго. Мало того, что мостъ, обремененный народомъ обрушился; напоръ живой волны къ сему пагубному мѣсту былъ столь яростень, что цѣлая масса людей была сброшена въ воду, подобно снѣжному обвалу или огромному упесу; мелькнули головы, шѣла; не раздался ни малѣйшій крикъ, но только глухой шумъ, подобный гулу камня, падающаго въ воду. Березина покрылась трупамп. Опсупапельное движеніе шѣхъ, кои возвращались на равнину, чтобы избѣжать угрожавшей имъ смерти, было такъ стремительно,

и вспрѣча съ шѣмми, кои шли впередъ, споль ужасна, что множество людей было задавлено. Графъ и графиня Вандіеръ одолжены были сохраненіемъ жизни своей карепѣ. Лошади были раздавлены, запопшаны ногами, и погибли, раздавивъ, запопшавъ толпу народа.

Маіоръ и гренадеръ нашли спасеніе въ своей силѣ. Они убивали, что бы не быть убитыми.

Сей ураганъ людскихъ головъ, сей приливъ и опливъ шѣль, оживленныхъ однимъ и шѣмъ же движеніемъ, имѣль слѣдствіемъ то, что въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ берегъ Березины былъ пустъ. Толпы опхлынули на равнину. Если нѣсколько человекъ и бросились въ рѣку съ крушаго берега, возвышавшагося надъ поверхноснію воды на двѣнадцать футовъ, то потому что надѣялись достигнуть прошивуположнаго берега, который для нихъ

быль Францією, или чинобы избѣгнушь степей Сибири. Для иныхъ егидою было опчаяніе; одинъ офицеръ перепрыгиваль съ одной льдины на другую и такимъ образомъ достигъ прошивнаго берега; также одинъ солдатъ, нечмо-вѣрнымъ образомъ, пробрался по грудамъ шруповъ и льдинъ. Но несмѣльное сборище людей разсудило, что Русскіе не умертвляють двадцати тысячъ чело-вѣкъ безоружныхъ, окостенѣлыхъ, о-безумѣвшихъ, и кошорые сверхъ того не защищались.

Тогда майоръ, его гренадеръ, старый генераль и жена его остались од-ни, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ былъ прежде мостъ. Они всѣ чепверо стояли тамъ, безъ слезъ на глазахъ, молчаливые, окруженные грудами хладныхъ шруповъ.

Нѣсколько здоровыхъ солдатъ, нѣ-сколько офицеровъ, коимъ бѣдственное

ихъ положеніе возврапило бодрость духа, были съ ними, числомъ около пятидесяти человѣкъ. Маіоръ увидѣлъ шагахъ въ двухъ спяхъ развалины моста на шелегахъ, который сломался дня за два тому назадъ.

— Сдѣлаемъ паромъ! вскричалъ онъ.

Едва онъ произнесъ сіи слова, какъ вся толпа бросилась къ развалинамъ. Тридцать человѣкъ занялись устройствомъ парома. Двадцать другихъ начали собирать желѣзныя скобы, искать бревна, веревки, однимъ словомъ всѣ необходимые матеріалы. Человѣкъ двадцать вооруженныхъ солдатъ и офицеровъ составили опрядъ подъ начальствомъ маіора, для защиты работавшихъ отъ опчаянныхъ нападений толпы, въ случаѣ, если она угадаетъ ихъ намѣреніе. Чувство свободы, которое оживляетъ узниковъ, и дѣлаетъ

ихъ способными къ чудесамъ, не можетъ быть сравнено съ тѣмъ, которое подспрекало сихъ несчастныхъ Французовъ.

— Русскіе! Русскіе!
закричали тѣ, кои охраняли работавшихъ.

И бревна запрещали, плотъ росъ въ ширину, высоту и глубину. Генералы, солдаты, полковники изнемогали подъ тяжестью колесъ, желѣза, веревокъ, досокъ: то былъ осуществленный образъ построения Ноева ковчега.

Юная графиня, сидѣвшая возлѣ своего мужа смотрѣла на сіе зрѣлище съ сожалѣніемъ, что не можетъ ни мало участвовать въ семъ трудѣ. Впрочемъ, она помогала связывать узлы для укрѣпленія веревокъ.

Наконецъ паромъ былъ оконченъ. Сорокъ человекъ спустили его на воду, между тѣмъ какъ около десятка

солдаты держали веревки, должны сплывавшія служить къ тому, чтобы припаянуть оный ближе къ берегу.

Лишь только спешители увидѣли свой плотъ, плавающимъ на Березинѣ, какъ съ высоты берега бросились на оный съ жестокимъ эгоизмомъ.

Въ сію минуту, паромъ былъ покрытъ людьми.

Маіоръ, спешась спешительно спешу перваго напора, держалъ Юлію и генерала за руку; но онъ содрогнулся, когда увидѣлъ что плотъ почернѣлъ отъ народа, и люди были на ономъ сжапы, какъ зрители въ партерѣ театра.

— Варвары! вскричалъ онъ, я подаль вамъ первую мысль! Я вашъ спаситель, и мнѣ вы отказываете въ мѣстѣ

Глухой говоръ былъ ему отвѣтомъ Но солдаты, стояшіе

на краю плаща и вооруженные палками, сильно упирали ими въ берегъ, чтобы општолкнуть паромъ къ противной сторонѣ, и дасть оному ходъ, способный разсѣкать льдины и прупы.

— Ахъ вы бѣсовы дѣти! вскричалъ гренадеръ спрашнымъ голосомъ, я васъ выкупаю сей часъ, если вы не возьмете съ собою маіора и его спутниковъ!.....

И гренадеръ, поднявъ свою саблю, воспрепятствовалъ опчалить; потомъ, несмотря на ужасный крикъ, онъ заставилъ ряды сжаться.

— Я упаду! я падаю! кричали его товарищи. Опваливайте! впередъ!

Маіоръ смотрѣлъ безъ слезъ на свою Юлію; съ благоговѣйнымъ чувствомъ покорности въ волю провидѣнія, она подняла глаза къ небу.

— Умереть съ тобою!
сказала она.

Въ положеніи людей, стоявшихъ на площу, было что-то забавное. Всѣ кричали; но никто изъ нихъ не смѣлъ пропившись гренадеру, ибо знали, что онъ въ состояніи сброситъ всѣхъ въ воду, толкнувъ одного человѣка! Въ сей опасности, одинъ полковникъ вздумалъ было опрокинуть гренадера; но смѣшливый солдатъ, замѣтивъ непріязненное движеніе офицера, схватилъ его, и, бросивъ въ воду, сказалъ ему:

— Ага! кряковка, ты хочешь напиться! Спупай себѣ!

— Вотъ два мѣспа! вскричалъ онъ. Скорѣе, маіоръ, бросьте намъ вашу женочку, и прыгните сами! Оспавьте эшаго спараго хрыча, который околѣшетъ завтра

— Скорѣе! закричалъ голосъ, составленный изъ спа голосовъ.

— Живѣе, маіоръ Всѣ

прочіе, вопшь, сердятся, и они правы.....
Живѣ!

Графъ Вандіеръ сбросилъ съ себя
верхнія одежды, и явился въ своемъ ге-
неральскомъ мундирѣ.

— Надобно спасти графа!
сказалъ Филиппъ, эпо долгъ вашъ.....

Юлія пожала руку своему другу.
Она бросилась къ нему, и поцѣловала
его. То было ужасное объятіе.

— Прощай! сказала она.

Они поняли другъ друга.

Графъ Вандіеръ собралъ всѣ свои
силы и присупствие духа, чшобы вско-
чиль на площъ. Юлія послѣдовала за
нимъ, бросивъ послѣдній взглядъ на Фи-
липпа.

— Г. Маіоръ! не хопи-
те-ли заняшь мое мѣсто? чпо
мнѣ въ жизни? вскричалъ гренадеръ. —
У меня нѣтъ ни жены, ни дѣшей, ни
мапери

— Я поручаю ихъ тебѣ!
закричалъ маіоръ, указывая на графа и
его жену.

— Будьте покойны Я бу-
ду беречь ихъ какъ глазъ свой

Паромъ былъ оттолкнутъ съ та-
кою силою отъ берега, на которомъ
остался Филиппъ, неподвижный, что
ударъ въ прошивуположенный потрясъ
все до основанія. Графъ былъ на краю,
онъ скапился въ воду; и, въ ту мину-
ту, въ которую онъ упалъ, льдина
опсыкла ему голову и бросила ее да-
леко, словно выпрѣленное ядро.

— Гей! маіоръ!
закричалъ гренадеръ.

— Прощай! кричалъ го-
лосъ женщины.

Филиппъ Сюси упалъ, оцѣпенѣв-
шій отъ ужаса, измученный холодомъ,
сожалѣніемъ, усалоспїю и гореспїю.

.

— Бѣдная моя племянница съ той мшнушы поперяла разсудокъ, сказала докпоръ, послѣ крапкаго молчанія.

— О! милоспивый государь, прибавилъ онъ, схвапивъ руку Г. д'Альбона, какую жизнь вела сія бѣдная женщина споль юная, споль нѣжная! Въ Вильнѣ, по неслыханному несчастью, она была разлучена съ гренадеромъ, котораго звали Флѣріонтъ. Тогда она, въ продолженіи двухъ лѣтъ, слѣдовала за арміею, будучи штралицемъ толпы негодяевъ; ходила, какъ сказывали мнѣ, на босу ногу, худо одѣвая, оставаясь цѣлые мѣсяцы безъ присмотра, почти безъ пищи; ее по держали въ госпиталяхъ, по выгоняли подобно живошному. — Одиць Богъ знаетъ

жизнь сей несчастной. Она пережила столько бѣдспвій! Была, въ небольшомъ городкѣ Германіи, заперта съ сумасшедшими, между тѣмъ какъ родственники раздѣляли здѣсь наследство, считая ее умершею.

— Въ 1816 году, гренадеръ Флёріотъ узналъ ее въ одной корчмѣ въ Спрасбургѣ, куда она только что пришла, убѣжавъ изъ своей темницы. Нѣсколько крестьянъ увѣряли гренадера, будто-бы графиня цѣлый мѣсяцъ жила въ лѣсу, и что они обложили оный, чтобы поймать ее: но не успѣли въ своемъ предпріятіи.

— Я, тогда былъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Спрасбурга. Услышавъ о дикой дѣвушкѣ, я пожелалъ удостовѣриться въ необыкновенныхъ слухахъ, копорые служили поводомъ къ страннымъ сказкамъ. Что со мною спалось, когда я узналъ графиню! Флёрі-

опъ разсказалъ мнѣ все, что зналъ о сей сожалѣнія достойной женщинѣ. Я увезъ его съ племянницею въ Овернь, гдѣ имѣлъ несчастіе потерять сего бѣднаго человѣка. Онъ снискалъ нѣкоторую влассть надъ Г-жею Вандіеръ. Одинъ онъ могъ уговорить ее, чтобы она одѣвалась..... — *Прощай!*..... это слово было для нея цѣлымъ языкомъ; но прежде она произносила его очень рѣдко. Флѣріопъ пытался пробудить въ ней, посредствомъ сихъ двухъ слоговъ, какія нибудь понятія; но онъ не имѣлъ въ этомъ успѣха, и только достигъ того, что она чаще начала произносить сіе печальное слово. Гренадеръ умѣлъ играть съ нею; онъ умѣлъ. Я надѣялся чрезъ него, но.

Г. Фанжашъ, такова была фамилія дяди Юліи, умолкъ на нѣсколько мнута.

— Здѣсь, продолжалъ онъ, Юлія нашла другое существо, съ копорымъ, по видимому, она сошлась въ поняпціяхъ. Это юродивая креспьянка, копорая, несмотря на свое безобразіе и безуміе, любила одного каменьщика. Сей послѣдній хопѣлъ женишься на ней. Бѣдная Женевьева, въ продолженіи цѣлаго года, была счастливѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Она по воскресеньямъ ходила танцовать съ Даллопомъ; она наряжалась; она пошмала любовь; сердце и умъ ея были способны къ сему чувствованію. Но Даллопъ расчипываль по своему: онъ нашель другую молодую дѣвушку, копорая имѣла двумя десятинами болѣе земли, нежели Женевьева, и копорая не была шакъ глупа. Тогда Даллопъ бросилъ Женевьеву, и сіе жалкое существо пошеряло даже и шу искру разсудка, копорую любовь зажгла въ ней; она шеперь

только умѣетъ пасти коровъ и ко-
сить праву. Сія двѣ несчастныя пѣ-
копорымъ образомъ связапы невидимою
цѣпью ихъ общей участи, чувствован-
нiемъ, въ которомъ обрѣнается при-
чина ихъ помѣшательства.

— Вошь, посмотрише! ска-
залъ Г. Фанжашъ, подведи маркиза
д'Альбона къ окну.

Совѣтникъ дѣйствительно уви-
дѣлъ прелестную графиню, сидящую
на землѣ между ногъ Женевьевы.
Крестьянка, вооруженная огромнымъ
косянымъ гребнемъ, съ полнымъ вни-
манiемъ распуывала длинные, черные
волосы Юліи. Сія послѣдняя, спокойно
позволяла ей заниматьея симъ дѣломъ.
Она испускала слабыя, глухія восклицанія,
которыя болѣе выражали удо-
вольствіе, чѣмъ отвращеніе.

Г. д'Альбонъ содрогнулся, видя не-
брежное положеніе тѣла, равнодушіе

животнаго, которое избличало въ графинѣ совершенное отсутствіе души.

— Филиппъ! Филиппъ! вскричалъ онъ, несчастія, перенесенныя побою — ничто.

— Ужели нѣтъ никакой надежды? спросилъ онъ у Г. Фанжапа.

Старый докторъ поднялъ глаза къ небу.

— Прощайте, милоспивый государь, сказалъ Г. д'Альбонъ, пожавъ руку спарца. Другъ мой ожидаетъ меня; вы скоро увидите его!

— И такъ это она!..... вскричалъ Г. Сюси, услышавъ первыя слова маркиза д'Альбона. И я сомнѣвался еще!

Нѣсколько слезъ кануло изъ его черныхъ глазъ, коихъ выраженіе обыкновенно было такъ сурово.

— Да, это графиня Вандіеръ!..... отвѣчалъ совѣтникъ.

Полковникъ съ живоспѣію вспалъ, и началъ поропливо одѣваться.

— Это что, Филиппъ?..... сказалъ изумленный совѣтникъ. Не съ ума ли ты сошелъ?

— Но я уже совершенно здоровъ опвѣчалъ полковникъ съ просподушіемъ. Извѣстіе сіе успокоило всѣ мои спраданія. И какую боль возможно чувспвовать въ присуствіи Юліи— сумасшедшей? Я пойду въ древнее аббатство, чптобы увидѣть ее, говоришь съ нею, излѣчишь ее. Она свободна И такъ, счастье намъ будетъ улыбаться, или — нѣтъ Провидѣнія. Неужели ты думаешь, чпто сія бѣдная женщина можетъ слышать меня, и не припши въ разумокъ?

— Она уже видѣла тебя, и не узнала съ оспорожностію возразилъ совѣтникъ, копорый, замѣпивъ изспупленную надежду своего друга, и сомнѣваясь въ успѣхѣ, желалъ внушшь ему недоумѣніе, спасительное для него.

Полковникъ вздрогнулъ; но вслѣдъ за симъ улыбнулся, и, легкимъ движеніемъ головы, изъявилъ свою недовѣрчивость.

Никто не смѣлъ пропивипься намѣренію Г-на Сюси. Въ попѣ же самый день, онъ поселился въ старомъ монастырѣ, въ которомъ жилъ докторъ, и подѣ одною кровлею съ графинею Вандіеръ.

— Гдѣ она! вскричалъ онъ прибывъ туда.

— Тише! отвѣчалъ ему дядя Юліи Она спитъ
Смотрите, вотъ она.

Слѣдуя за Г. Фанжапомъ, Филиппъ увидѣлъ несчастную безумную, которая лежала на солнцѣ, свернувшись на скамьѣ. Лице ея было защищено отъ зноя, густыми распущенными волосами; ея руки съ пріятною небрежностію свѣслись до земли; тѣло ея

покоилось съ непринужденностію лани; ея ноги были подогнуты, безъ усилія; грудь ея подымалась свободно; цвѣтъ кожи имѣлъ шу бѣлизну фарфора, которая восхищала насъ въ прозрачныхъ, дѣпскихъ личикахъ.

Женевьева, сидя неподвижно возлѣ нея, держала въ рукѣ пополевую вѣшвь, которую Юлія вѣроятно оплонила опъ самой верхушки какого нибудь дерева, и опахивала сею вѣшвию свою спящую подругу, чптобы опогнать мухъ и освѣжить ея лице. Юродивая креспьянка посмопрѣла на Г. Фаижа-ша и полковника; потомъ, подобно живошному, узнавшему своего господина, она тихо поворошила голову къ Юліи, и продолжала свою бдѣтельность надъ ея сномъ, не показавъ ни малѣйшаго признака удивленія или разсудка.

Воздухъ былъ зноенъ. Каменная скамья казалось бросала искры, и лу-

жайка устремляла къ небу свои свое-
нравныя испаренія, копорыя выпаюпть
и блестяпть надъ правою, подобно зо-
лопистой пыли. Но Женевьева, по ви-
димому, не чувспвовала сего палящаго
зноя.

Полковникъ съ чувспвомъ пожалъ
руку Г. Фанжашу. Слезы, наполнив-
шія глаза несчастнаго, текли по его
мужеспвенному лицу, и упадали на
дернъ къ ногамъ Юліи.

— Полковникъ, сказалъ дядя, вопъ
уже два года, что сердце мое сокру-
шается каждый день Скоро
и вы будете походипть на меня
Вы не будете плакать, но можете
быпть живѣе будете чувспвоватъ ва-
шу горестъ

— Вы пеклись объ ней!
сказалъ полковникъ, коего глаза выра-
жали сполько же благодарности, сколь-
ко и ревности.

Они поняли одинъ другаго; и снова сильно пожавъ другъ другу руку, они пребыли неподвижными, созерцая дивное спокойствіе на челъ сего прелестнаго созданія, освѣщенномъ лучами солнца. По временамъ Юлія испускала вздохъ, и вздохъ сей по видимому проявлявшій чувствительность, радостно попрыскалъ несчастнаго полковника.

— Увы! сказалъ ему въ пол-голоса Г. Фанжапъ, ' не льстите себя надеждою; въ сію минупу вы видите ее въ полномъ разумѣ.

Тѣ, кои проводили цѣлые часы восхищаясь сномъ нѣжнолюбимаго существа, глаза котораго долженствовали имъ улыбнуться при пробужденіи, поймутъ безъ сомнѣнія сладостное и жестокое чувство, волновавшее Г. Сюси; ибо, для него, сонъ сей былъ очарованіемъ, а пробужденіе долженство-

вало бытъ смертію, ужаснѣйшею изъ всѣхъ смертей.

Вдругъ молодой козленокъ въ нѣсколько скачковъ подбѣжалъ къ скамьѣ, и началъ обнюхивать Юлію. Шумъ сей разбудилъ ее. Она вспала такъ тихо, что движеніе сіе не испугало своенравнаго живописнаго; но когда увидѣла Филиппа, то бросилась бѣжать, послѣдуемая своимъ чепвероногимъ товарищемъ, къ бузиновому плетню. Потомъ, она испустила слабый крикъ, подобно испуганной птичкѣ, слышанный уже полковникомъ у рѣшепки, возлѣ которой графиня въ первый разъ мелькнула передъ Г. д'Альбономъ. Наконецъ, взобравшись на ракипу, и спрятавшись въ густой вершинѣ сего дерева, она смотрѣла на незнакомца со всѣмъ вниманіемъ самаго любопытнаго соловья, жиделя лѣсовъ.

•

— Прощай, прощай, прощай! сказала она; но ни малѣйшее удареніе голоса не одушевляло сего слова.

То было безчувспенное щебепаніе ппички.

— Она не узнаеть меня!
вскричалъ полковникъ съ опчаяніемъ.....
Юлія! Юлія! эпо Филиппъ,
пвой Филиппъ Филиппъ

И бѣдный полковникъ началъ подходить къ ракипѣ.

Когда онъ находился въ трехъ шагахъ опъ дерева, графиня посмопрѣла на него, съ самонадѣянностію, хопя нѣкоторое выраженіе боязни и опразилось въ ея глазахъ; потомъ прыгнула съ ракипы на акацію, тамъ на ель, на вершинѣ которой начала качаться, перебираясь съ одного сучка на другой съ неслыханною легкостію.

— Не гонитесь за нею
сказалъ Г. Фанжапъ полковнику. Вы

эпшмъ поселите между ею и вами оп-
вращеніе, которое можесть сдѣлапья
непреодолимымъ. Я постараюсь позна-
комишь ее съ вами, и пріучишь къ
вамъ Сядыте на эту скамью.
Когда вы не будете обращать на нее
вниманія то вскорѣ увидишь,
какъ она будетъ подкрадывапьяся, чпо-
бы разсмопръшь васъ

— Юлія-ли не узнаешъ меня, бѣ-
жипъ меня! повпорилъ пол-
ковникъ, саясь на скамью.

Онъ прислонился спиною къ дере-
ву, коего вѣтви осѣняли сельскую
скамью, и голова его склонилась на
грудь.

Г. Фанкапъ хранилъ молчаніе.

Вскорѣ графиня слѣзла попихонь-
ку съ вершины ели, выпая по вѣт-
вямъ, подобно блудящему огню, и по
временамъ качаясь вмѣспѣ съ деревомъ,
гнуцимся опъ повѣва вѣпра. Она о-

спанавливалась на каждомъ сучкѣ, съ любопытствомъ поглядывая на незнакомца; но видя, что онъ сидитъ неподвижно, она наконецъ спрыгнула на землю, и вскочивъ на ноги, начала подходить къ нему попихоньку черезъ лужайку.

Когда она остановилась у дерева, находившагося шагахъ въ десяти отъ скамьи, Г. Фанфанъ сказалъ полковнику тихимъ голосомъ:

— Возмите, какъ можно опорожнѣе, у меня въ правомъ карманѣ нѣсколько кусочковъ сахару. Покажите ихъ ей. Она подойдетъ. Для васъ, я охотно откажусь отъ пріятнаго попеченія кормить ее лакомствами. Давая ей сахаръ, вы сделаете изъ нея все, что вамъ угодно: вкусъ къ сладкимъ въ ней спроситъ.

— Когда она была женщиною, оп-

вѣчалъ печально полковникъ, то не любила ничего подобнаго.

Когда полковникъ поманилъ Юлію кусочкомъ сахара, который онъ держалъ между двумя пальцами правой руки, она снова испустила свой дикой крикъ, и съ живостию бросилась къ Филиппу; но вдругъ остановилась, невольно оробѣвъ передъ *незнакомцемъ*: она посмащивала на сахаръ, и опворачивала по временамъ голову, подобно шѣмъ бѣднымъ собакамъ, коимъ господинъ запрещаетъ пронюхать, пока не проговоритъ пропаянно всѣхъ буквъ отъ *аза* до вождельнаго *естъ*! Наконецъ спросивъ животнонаго, воспоржествовала надъ боязнію, и Юлія успремилась на Филиппа. Она робко пропянула свою милую, загорѣвшую ручку, чтобы схватить добычу, и нехотя должна была коснуться-

ся руки Филиппа. Она вырвала кусочек сахара, и убѣжала.

Сія убійственная сцена довершила мученія полковника. Слезы покапались у него градомъ, и онъ убѣжалъ въ залу монашья.

— Ужели любовь менѣе могущественна, чѣмъ дружба? сказалъ ему Г. Фанжашъ, который послѣдовалъ за нимъ. Я имѣю надежду, Баронъ! Моя несчастная племянница была еще въ болѣе жалкомъ состояніи.

— Болѣе жалкомъ! вскричалъ Филиппъ.

— Да, воскликнулъ докторъ. Она ходила нагая.

Полковникъ сдѣлалъ движеніе, изъяслявшее ужасъ, и поблѣднѣлъ. Г. Фанжашъ подозрѣвая въ сей блѣдности признаки физическаго недуга, подошелъ къ нему, и пощупалъ пульсъ. Г. Сю-

си былъ въ сильной лихорадкѣ. Докторъ уговорилъ его лечь въ постель, и приготовилъ для него пищье съ опиумомъ, желая шѣмъ доставить больному нѣсколько часовъ сна, не возмущаемаго пугоспными грезами.

Прошло около недѣли, въ продолженіи которой Баронъ Сюси часто былъ жертвою убійственныхъ мученій; но вскорѣ, для глазъ его не спало слезъ; а его душа, такъ часто сокрушаемая, и не привыкшая еще къ зрѣлищу, представляемому ей сумасшествіемъ графини, сроднилась, такъ сказать, съ симъ ужаснымъ положеніемъ. Онъ обрѣлъ нѣкоторыя успѣшенія въ своей горести: онъ спрадалъ болѣе или менѣе, но все таки спрадалъ. Его самоопроверженіе не знало никакихъ предѣловъ. Онъ имѣлъ столько твердости духа, что пріучилъ къ себѣ графиню, щедро надѣляя ее лаком-

спвами. Онъ такъ привлекательно и запыливо умѣлъ давать ей сію пищу, такъ искусно соблюлъ поспепенность, развивая въ ней инстинктъ, единственную искру разума, которая оставалась Юліи, что умѣлъ сдѣлать ее болѣе ружною, чѣмъ она была досель.

Когда по упрямъ, несчастный полковникъ выходилъ въ звѣринецъ, и тщетно искалъ графиню, не зная на какомъ деревѣ она качается, съ шпичкою ли какою или собакою она играетъ, на которой крышѣ она сидитъ, то насвистывалъ только всѣмъ знакомую арію: *Partant pour la Syrie*, съ коею было тѣсно связано воспоминаніе объ одной сценѣ любви; и Юлія немедленно прибѣгала къ нему съ легкостью молодой лани.

Вскорѣ она привыкла садиться на колѣни къ Филиппу, обвивать своею свѣжею и легкою рукою его спянь; и

въ семь положеній, неизъяснимо-пріятномъ для любовниковъ, полковникъ медленно давалъ лакомкѣ-графинѣ назначенныя для нея сласти. Юлія наконецъ ознакомилась съ Барономъ, и привыкла видѣть его. Она не пугалась его болѣе. Часно, съѣвъ весь сахаръ, она съ забавнымъ любопытствомъ шарила по карманамъ своего друга, и жести ея имѣли механическую быспрошу движеній, свойственныхъ обезьянѣ. Когда она удосповѣрлялась, что у Филиппа не было болѣе лакомствъ, то смотрѣла на него очами свѣплыми, безъ идей, безъ сознанія, и начинала играть съ нимъ. Она пыталась сниматьъ съ него сапоги, чтобы видѣть его ногу, рвала его перчатки, надѣвала его шляпу; а сама, позволяла ему перебиратьъ свои волосы, и заключаешь себя въ его объятія. Она безъ удовольствія принимала горячіе поцѣлуи, и молчаливо смо-

прѣла на него, когда онъ проливалъ слезы. Она хорошо понимала насвистъ: *Partant pour la Syrie*; но полковникъ щещно испощалъ свои труды, спараясь пріучить ее къ собственному ея имени *Юлія!*

Въ своемъ пѣгоспномъ предпріятіи, онъ былъ поддерживаемъ надеждою, копорая никогда не оставляла его. Когда, въ прелестное осеннее утро, онъ находилъ графиню спокойно сидящею на скамьѣ, подъ пожелтѣвшимъ пополемъ, то несчастный любовникъ ложился у ногъ ея, и смотрѣлъ ей въ глаза такъ долго, какъ только она то позволяла. Въ семъ положеніи, онъ подсперегалъ свѣплый лучъ, опражавшійся въ ея зрачкѣ, всегда надѣясь, что зеркало сіе преспанеть быть нечувствительнымъ, и что пламень сей снова оживится разумомъ. Иногда, обманывая самага себя, онъ уже полагалъ,

что сіи хладные, неподвижные лучи, сопрясаюпся снова, одушевляясь нѣжностію, жизнию, и онъ восклицалъ:

— Юлія! Юлія!
ты меня понимаешь ты меня узнаешь!

Но она слушала звукъ сего голоса какъ пуспой шумъ, какъ повѣвъ вѣпра, колеблющій деревья, какъ мычаніе коровы на копорую она взлѣзала; и полковникъ ломалъ съ опчаяніемъ ружья; ибо опчаяніе его всегда было свѣжимъ. Время и сіи щепныя испытанія, только усиливали его мученія.

Однажды, въ ясный вечеръ, посреди безмолвія и спокойствія сего сельскаго убѣжища, Г. Фанжашъ увидѣлъ издали Барона заряжающаго пистолепъ. Старый докторъ понялъ, что Филиппъ потерялъ всю надежду. Старикъ почувствовалъ, какъ кровь его приплась къ сердцу, и если онъ преодолѣлъ

вдругъ ощущаемую имъ слабость, по попому только, что его укрѣшило желаніе видѣть свою племянницу лучше живою и безумною, чѣмъ мертвою. Онъ подбѣжалъ къ полковнику.

— Что вы дѣлаете? молвилъ онъ ему.

— Это для меня, отвѣчалъ полковникъ, указывая на заряженный пистолетъ, лежавшій на скамьѣ, а—вошь для нея! прибавилъ онъ, прибывая пыжъ въ пистолетъ, который держалъ въ рукахъ.

Графиня распроспертая на землѣ, играла пулями, играла смертію.

— Такъ вы еще не знаете, хладнокровно возразилъ докторъ, спараясь скрыть свой испугъ, что сегодня ночью, во снѣ, она произнесла: — Филшъ!

— Она называла меня! вскричалъ Баронъ, уронивъ пистолетъ, ко-

порый Юлія подняла.

Тогда, вырвавъ съ ужасомъ оружіе изъ рукъ графини, онъ схватилъ и другой пистолетъ, лежавшій на скамьѣ, и убѣжалъ.

— Бѣдняжечка! вскричалъ докторъ, довольный успѣхомъ своего благонамѣреннаго обмана.

Онъ прижалъ безумную къ груди, и продолжалъ:

— Онъ бы убилъ тебя.
Егоиспъ! хочешь предашь тебя смерти, потому что самъ страдаешь.....
Онъ не умѣетъ любить тебя, для тебя одной, дитя мое! Мы ему прощаемъ, неправда ли? потому что онъ безумецъ, а ты? — ты только сумасшедшая. Такъ! одинъ Богъ посылаетъ смерть. Мы тебя считаемъ несчастною, потому что ты чужда нашихъ бѣдствій! Глупцы мы!

Потомъ, посадивъ ее къ себѣ на колѣни, сказалъ:

— Счастлива ты, ничто не превозмощь тебя; ты живешь подобно пшичкѣ, подобно лани.

Она бросилась на молодого дрозда, который порхалъ по лужайкѣ, поймала его; и, нѣсколько разъ испустивъ слабый крикъ удовольствія, задушила пшичку, и бросила ее у корня дерева, не думая болѣе объ оной.

На другой день, лишь только разсвѣло, Г. Сюси вышелъ въ паркъ, и искалъ Юлію. Онъ вѣрилъ счастью. Не находя ее, засвиспалъ. Когда любезная его прибѣжала, онъ взялъ ее за руку; и въ первый разъ, гуляя вмѣстѣ, они шли подъ навѣсомъ поблекшихъ деревьевъ, листья коихъ опадали отъ дуновеній упреннаго вѣтерка. Полковникъ сѣлъ, и Юлія сама опусти-

лась на его колѣни. Филиппъ запрепечалъ опъ восхищенія.

— Юлія, сказалъ онъ ей цѣлуя съ жаромъ руки графини, я Филиппъ.....!

Она смотрѣла на него съ любопытствомъ.

— Послушай, милая, прибавилъ онъ прижимая ее къ своей груди. Чувствуешь-ли ты біеніе моего сердца?.... Оно билось только для тебя Я все еще люблю тебя. Филиппъ не умеръ; онъ здѣсь ты у него на колѣняхъ ты Юлія, а я Филиппъ.

— Прощай, сказала она, прощай.

Полковникъ задрожалъ, ибо ему показалось что онъ сообщилъ несчастной свой воспоргъ. Его раздрающее душу восклицаніе, испоргнутое надеждою, симъ послѣднимъ усиліемъ любви вѣчной, спраши безумной, пробудило душевныя силы въ его возлюбленной.

— О! моя Юлія! мы будемъ счасптивы

Она испуспила крикъ радости, и, въ очахъ ея мелькнулъ неопредѣленный лучъ разума.

— Юлія. Она узнаётъ меня! Юлія!

Полковникъ чувспвовалъ, какъ его сердце разшпрялось, какъ ресницы его начали увлажняться. Но вдругъ онъ увидѣлъ, что графиня показываетъ ему кусочикъ сахара, который она нашла, обыскивая его, въ то время, какъ онъ говорилъ. Сей обыскъ и сія находка были причиною его заблужденія, и онъ счелъ мыслию разумнаго сущеспва, ту степень понятій, которая предполагаетъ только хитроспъ обезьяны.

Полковникъ лишился чувспвъ.

Г. Фанжакъ заспалъ графиню, спдящею на спль полковника. Нечувспвительная, она грызла сахаръ, дѣ-

лая ужимки удовольствія, копорымъ бы удивлялись, еслибъ она, будучи въ полномъ разсудкѣ, вздумала, шупя, подражать любимому попугаю или кошенку.

— О! другъ мой, вскричалъ Филипъ, пришедъ въ чувства, я умираю каждый день, каждую минуту! Я люблю слишкомъ сильно я бы перенесъ все, еслибы въ своемъ безуміи, она сохранила хотя малѣйшій признакъ женскаго характера Но видѣть ее лишенною спыдливости вѣчно видѣть ее дикою

— Такъ вы думали найпти оперное безуміе? сказалъ съ колкостию Г. Фанжашъ. И такъ ваши пожертвованія любви подчинены предразсудкамъ? Такъ! милоспивый государь, я для васъ опказался опъ удовольствія давать пищу моей племянницѣ; я вамъ предоспавилъ благополу-

чіе играць съ нею ; я удержалъ за собою только понеченія , самыя шягоспныя. Когда вы спите, я бодрствую при ней, я. . . . Нынь, милостивый государь, откажитесь отъ нея. Оставьте се печальное уединеніе. Я умью жить съ симъ милымъ существомъ ; я понимаю ея безуміе ; я уловляю ея малѣйшія движенія ; я посвященъ въ ея тайны. . . — Когда нибудь , вы будете благодарить меня!

— Прощайте ! вскричалъ Филиппъ.

Полковникъ оставилъ монастырь, съ пѣмъ , чшобы возвратиться въ оный еще одинъ только разъ.

Г. Фанжашъ ужаснулся, увидя дѣйствіе, которое онъ произвелъ надъ своимъ господемъ. Онъ начиналъ любить его наравнѣ съ своею племянницею. Если изъ двухъ любовниковъ , одинъ былъ достоинъ сожалѣнія, то безъ со-

мнѣнія Филиппъ; не одинъ-ли онъ несъ на себѣ бремя ужаснѣйшей горести!

Докторъ поручилъ развѣдать о полковникѣ, и узналъ, что несчастный удалился въ свое помѣстье, которое находилось неподалеку отъ Сен-Жермена.

Баронъ, обнадеженный свидѣніемъ, составилъ планъ возвратиться разсудокъ графинѣ; и онъ, безъ вѣдома доктора, употребилъ остальное время осени на приготовленія къ сему многотрудному предпріятію.

Небольшая рѣчка протекала въ его паркѣ. Она наводняла зимою большое болото, которое нѣсколько походило на топъ, простирающуюся вдоль праваго берега Березины. Полковникъ употребилъ большое число работниковъ на вырытіе канала, который бы представлялъ безщадную рѣку, погубившую

сокровища Франціи, Наполеона и его армію.

Руководимый своими воспоминаніями, Филиппъ успѣлъ дать рѣчку, текущей въ его паркѣ, подобіе пагубной рѣки, черезъ которую Эбле успроилъ свои мосты. Онъ доставилъ обгорѣвшіе козлы, довольно сходные съ полу-сожженными досками, которыя нѣкогда, чернѣя съ обѣихъ сторонъ Березины, возвѣспили толпамъ оцспавшихъ солдатъ, что путь во Францію для нихъ уже прегражденъ. По распоряженію полковника туда же были принесены лѣса, подобные тѣмъ, кои его товарищи въ несчастіи, употребили для построенія плота. Наконецъ, онъ опустошилъ свой паркъ, чтобы довершить обманъ, на которомъ основывалъ свою послѣднюю надежду. Онъ заказалъ мундиры и изодранные костюмы, чтобы одѣтъ въ нихъ до восьми

сопъ крестьянъ. Онъ построилъ шалаши, биваки, бапарен, сжегъ ихъ, не забывая ничего, что только могло служить къ вѣрнѣйшему изображенію ужаснѣйшаго зрѣлища, и онъ достигъ своей цѣли.

Въ первыхъ числахъ Декабря мѣсяца, когда снѣгъ покрылъ землю своимъ бѣлымъ, пушистымъ ковромъ, онъ узналъ Березину. Россія, въ его паркѣ, была скопирована съ ужасающею вѣрностію; онъ просилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сослуживцевъ объявить свое мнѣніе, и они содрогнулись отъ воспоминаній, вызванныхъ видомъ столь обширной картины ихъ прежнихъ бѣдствій. Каждый шагъ представлялъ какое нибудь разительное сходство, даже деревушка В***, лежащая на небольшомъ возвышеніи, ограничивала сію ужасную сцену, на подобіе Спудзянки, примыкавшей къ равнинѣ, копорал

проспиралась вдоль Березины. До восьми сотъ работниковъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько старыхъ солдатъ, повторили свои роли довольно еспешвенно: они, казалось, не выходили изъ круга своей обычной жизни, представляя несчастіе, голодъ и ужасы морозовъ. Г. Сюси хранилъ въ глубинѣ души своей тайну сего трагическаго представленія, о которомъ, въ то время многія общества въ Парижѣ судили какъ о мысли, порожденной безуміемъ.

Въ началѣ Января мѣсяца 1829 года, Г. Сюси сѣлъ въ карету, подобную той, въ которой Г-нъ и Г-жа Вандіеръ ѣхали изъ Москвы въ Спудзянку, и отправился въ Иль-Адамской мѣсь. Запряженные лошади походили на пѣхъ, коихъ онъ съ опасностію жизни, увелъ изъ рядовъ Русскихъ; на немъ была та самая запачканная, спраш-

ная одежда, по самое оружіе, ша же шляпа, копорья онъ имѣлъ въ день 29-го Ноября 1812 года; онъ даже запусшилъ себѣ бороду, волосы, прокопшилъ лице, дабы скопировать какъ можно вѣрнѣе ужасную дѣйствительность.

— Я угадалъ вашу мысль! вскричалъ Г. Фанжапъ, увидя полковника, выходящаго изъ карены.

Оба друга обнялись.

— Если вы хопшите, чпобы планъ вашъ удался, по не показывайтесь въ эпомъ нарядѣ. Сегодня вечеромъ, я дамъ моей племянницѣ небольшой пріемъ опіума; попомъ, во время ея сна, мы одѣнемъ ее такъ, какъ она была въ Спудзянкѣ, и посадимъ въ вашу карешу. Я буду слѣдовать за вами въ коляскѣ.

На другой день, часу во второмъ упра, юную графиню опшесли въ ка-

решу. Три креспыяшна освѣщали сіе спранные похищеніе. Юлію положили на подушки, окупали грубымъ одѣломъ, и, по приказанію полковника, слуга бросалъ снѣгъ на каресу, какъ вдругъ пронзительный крикъ раздался посреди безмолвія ночи. Филлипъ и докторъ увидѣли тогда полунагую Женевьеву, выходящую изъ низкой комнаты, въ которой она спала. Юродивая была разбужена шумомъ. Ея густые, бѣлокурые волосы развѣвались; она заливалась слезами.

— Прощай! прощай! все кончено прощай! кричала она.

— Ну, Женевьева, что съ тобой? спросилъ ее Г. Фанжапъ.

Женевьева, съ видомъ опчаянія, попрясла головою, подняла руку къ небу, посмопрѣла на каресу, пропаяжно завизжала, и обнаруживъ глубокий ужасъ, молча, вошла въ домъ.

— Это хорошее предзнаменованіе! воскликнулъ полковникъ. Дѣвушка сія грустнншь о томъ, что не будетъ болѣе имѣть подруги Она можетъ быть *видитъ*, что Юлія придетъ снова въ разсудокъ.

— Дай Богъ! сказалъ Г. Фанжапъ голосомъ, свидѣпельспвовавшимъ о сильномъ душевномъ волненіи.

Согласно съ тѣмъ, какъ предвари-тельно расчелъ Г. Сюси, Юлія, около девяти часовъ утра, проѣзжала по искусственной равнинѣ Березины. Она была разбужена выстрѣломъ, сдѣланнымъ шагахъ во ста отъ того мѣста, на которомъ происходила сія сцена. Это было сигналомъ.

Тысяча креспьянъ испустили страшный вопль, подобный опчаянно-му *ура*, достигшему слуха Русскихъ въ то время, какъ двадцать тысячъ описавшихъ солдатъ увидѣли себя, по

собственной ошибкѣ, обреченнымъ на смерть или плѣнь.

При семь крикѣ, при семь пушечномъ выстрѣлѣ, графиня выскочила изъ кареты. Она съ какою-то безумною, отчаянною поскою побѣжала по прибрежю, покрытому снѣгомъ; она увидѣла сожженные биваки и пагубный плоть, копорый спускали на покрытую льдомъ Березину. Маіоръ Филиппъ былъ шупъ, махая саблею надъ головою. Юлія испустила крикѣ, оледенившій сердца всѣхъ. Она спала передъ Г. Сюси, копорый дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Она собралась съ духомъ, окинула безопечнымъ взоромъ сію спранныю каретину. Одно мгновеніе, ея глаза, быстрые какъ молнія, имѣли бездушную ясность, копорою мы любуемся въ свѣтлыхъ глазахъ птицъ; но Юлія повела рукою по челу, съ выраженіемъ существа размышляющаго;

она созерцала сіе живое воспомнаніе, сію пропекшую жизнь, вызванныя предъ нее; и, обративъ попомъ съ живописнію голову къ Филиппу, *она его увидѣла*. Кругомъ царствовало ужасное молчаніе. Полковникъ задыхался и не смѣлъ произнести ни одного слова. Г. Фанжапъ плакалъ. Прелестное лице Юліи подернулось слабою краскою; попомъ, поспешенно оживляясь, оно воспріяло блескъ юной дѣвы, дышущей свѣжестію. Лице ея покрылось прелестнымъ румянцемъ. Кровь, жизнь, одушевленныя пламеннымъ разсудкомъ, сплавились въ ея составѣ съ быстрою пожара. Судорожное попрясеніе пробѣжало отъ ногъ до сердца. Наконецъ, сія явленія, родившіяся въ одно мгновеніе, получили какъ бы общую связь въ то время, какъ глаза Юліи заблещали небеснымъ лучемъ, живописорнымъ пламенемъ. Она жила, она мыслла; и

— содрогнулась! Самъ Богъ впорочно снмалъ узы съ сего мертваго языка, и вдыхалъ огонь свой въ сію угасшую душу. — Воля возвратилась.

— Юлія! Юлія! закричалъ полковникъ.

— О! это Филиппъ! сказала бѣдная графиня.

Она бросилась къ препещущей груди полковника, и упоительное объятіе двухъ любовниковъ ужаснуло зрителей. Юлія заливалась слезами. Вдругъ она умолкла, и произнесла слабымъ голосомъ:

— Прощай, Филиппъ! Я люблю тебя прощай.

— О!..... она умерла!..... вскричалъ полковникъ, выпуская ее изъ своихъ рукъ.

Старый докторъ принялъ безжизненное тѣло своей племянницы, и обнявъ оное съ силою, свойственною юношамъ, унесъ и сълъ съ нимъ на гру-

ду бревень. Онъ взглянулъ на графиню, положивъ на ея сердце слабую и судорожно-дрожащую свою руку.

Сердце ея не билось болѣе.

— И такъ нѣтъ уже сомнѣнiя!.... сказалъ онъ, смотря попеременно на неподвижнаго полковника, и на Юлію, на лицѣ коей смерть измѣла блистательную красоту, пощъ минувшій вѣнецъ, который, можетъ быть, есть порука блаженной будущности.

— Такъ, она умерла

— О! эта улыбка!..... воскликнулъ Филиппъ, посмотрѣвъ на эту улыбку! Возможно-ли?

— Она уже охладѣла! онъ вѣчалъ Г. Фанжапъ.

Г. Сюси сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чшобы ошпоргнуть себя ошъ сего зрѣлица; но онъ оспановился, зашвиспалъ арію, которую понимала безумная, и, не видя Юліи, обыкновенно

подбѣгавшей на сей зовъ, онъ дрожащими стопами удаллся, подобно упившемуся челоуѣку, не переставая свистать, но уже не оглядываясь болѣе.

Генераль Филиппъ Сюси слылъ въ обществѣ чловѣкомъ весьма любезнымъ, и въ особенностн весьма веселымъ. Недавно, одна дама поздравляла его съ веселостію духа и ровностію его характера.

— О! сударыня, сказалъ онъ ей, я очень дорого плачу за шупки, вечеромъ, когда бываю одинъ.

— Развѣ вы бываете одни?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

Еслибы наблюдатель, вѣщающій въ природу чловѣка, могъ видѣть выраженіе лица Графа Сюси, то онъ бы можетъ быть содрогнулся.

— Опъ чего вы не женишесь?..... продолжала сія дама, у копорой было нѣскольکو дочерей въ пансіонѣ. Вы богаты, въ чинахъ, изъ стараго дворянства: вы обладаете талантами, имѣете въ виду блестящую будущность, все вамъ улыбається

— Такъ, отвѣчалъ онъ, но эта улыбка убиваетъ меня.

На другой день, дама съ удивленіемъ услышала, что Г. Сюси въ ту самую ночь застрѣлился.

Высшее общество различно рассуждало объ семъ необыкновенномъ происшествіи, и всѣ старались угадать причину онаго. Каждый судилъ по своему; игра, любовь, честолюбіе, скрытые безпорядки, по ихъ мнѣнію, служили объясненіемъ сему происшествію, бывшему послѣднею сценою драмы, начавшейся въ 1812 году.

Только два человека, одинъ магистральской сановникъ и какой-то старый докторъ, знали, что Графъ Сюси принадлежалъ къ числу тѣхъ сильныхъ людей, кои одарены несчастнымъ могуществомъ, каждый день выходящъ побѣдителями изъ ужасной борьбы съ чудовищемъ; но что если Богъ, вдругъ отниметъ отъ нихъ свою всецѣльную десницу, то они погибаютъ.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ СЦЕНЫ.

ЦѢНА:

На любской бумагѣ 2 руб.

На веленовой 3.